

Близ заката. Современные пустынножители в горах Кавказа инок Дамиан

От редакции

От редакции

Настоящим изданием выходят в свет воспоминания, озаглавленные «Близ заката. Современные пустынножители в горах Кавказа». Кому принадлежит авторство данного названия – неизвестно: ни имени автора, ни подписи переписчика не сохранилось. И только в одном из многочисленных диалогов вычитывается имя предполагаемого мемуариста, это инок Дамиан, переселившийся в Абхазию и вступивший смолоду на путь отшельничества. Воспоминания не приводят каких-либо точных дат, но позволяют отнести их начало к самым первым годам XX столетия. Повествование прерывается событиями Первой мировой войны, лишь вскользь упоминая разгул разразившейся послереволюционной смуты.

За внешне бесхитростным повествованием об устройстве отшельнического жития и разнообразных встречах скрыта основная затея автора, преподанная не без признаков литературного таланта, – поделиться опытом своего духовного становления, почёрпнутым из общения с отцами-пустынниками, этими подвижниками веры, населявшими кавказские горы.

Воспоминания представляют исключительно монашескую среду, постепенно перебирая реальных устроителей иночества на Кавказе в предреволюционное время, прежде всего – это выходцы со Старого Афона, носители высокоценимой традиции духовного делания, посланные в Россию ещё в XIX столетии: наместник Нового Афона, его главный строитель архимандрит Иерон (Васильев) и схимонах Иларион (Домрачёв). Оба старца прибыли на Кавказ по благословению игумена Афонского на Святой Горе Свято-Пантелеимонова монастыря Макария и старца Иеронима на помощь в устройении в Абхазии новой обители. Большая часть воспоминаний посвящена старцу Илариону.

В 1907 г. вышла в свет его книга «На горах Кавказа», в которой речь идёт об Иисусовой молитве. Учение о. Илариона об имени Божиим вызвало немалые споры, отозвавшись известными событиями и на Святом Афоне. На эту тему существует огромная литература. В публикуемом

труде приведены духовные наставления старца Илариона, как это было открыто автору воспоминаний.

Кто бы ни был автором названия воспоминаний, мы решили оставить его неизменным: подзаголовком несомненно хотели подчеркнуть событийную связь воспоминаний со спорным трудом старца Илариона накануне грядущих испытаний православной веры.

По тексту рукописи мы узнаём, что автор замышлял продолжить воспоминания, то ли новой повестью, то ли дополнительными главами этого труда. Были ли предприняты эти попытки и сохранились ли до нашего времени, пока неведомо.

Рукопись дошла до нас в виде переписанного начисто первоначального источника. На этикетке архивной папки, хранящейся в библиотеке Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, под названием рукописи имеется помета: «Из бумаг М. А. Новосёлова». Рукописью заполнены три ученические линованные тетради в картонных обложках, обёрнутые листами писчей бумаги. Тетради помечены на лицевой стороне обёртки: «№ 1», «№ 2», «№ 3». Тетрадь № 1 содержит 90 листов, тетрадь № 2 – 34 и тетрадь № 3 – 32 листа. Тетради № 1 и № 2 заполнены текстом полностью, в тетради № 3 только 14 листов. Во всех тетрадях рукописный текст размещается только на нечётных страницах. Орфография рукописи свойственна нормам сер. XX века и не имеет признаков дореволюционного источника. Текст исполнен переписчиком аккуратным почерком, с минимальным числом общепринятых сокращений, что свидетельствует о бережном отношении к источнику, включая его фразеологические особенности. Лишь в одном месте сделана помета о внесённых изменениях: фраза «великая трагедия войны» (речь идёт о Первой мировой войне) заменена в тексте рукописи фразой: «великая война».

В настоящем издании сверены и уточнены ссылки на Священное Писание, текст адаптирован к современным грамматическим нормам, что, однако, никак не затронуло содержания воспоминаний.

Публикацию воспоминаний мы дополнили в приложении статьёй члена Русского исторического общества А. С. Бочкова «Новый Афон», фактологически представляющей впечатляющую историю благоустройства Новоафонской обители.

Глава 1. Монастырь

Когда мне исполнилось десять лет от роду, пришлось мне быть в мужском Николо-Рыхловском монастыре Черниговской губернии¹. Я прибыл туда со своими родственниками в качестве паломника. С ними ходил я по всему монастырю, всему весьма удивлялся и многим был заинтересован в соответствии со своим возрастом. Но больше всего был я заинтересован посещением пещер, находящихся близ монастыря в лесу. Тогда-то и зародилась у меня мысль: зачем монахи живут в лесах и пещерах? И эта мысль долгое время занимала мою юную голову.

Но вот меня отдали в школу. Я походил в неё только одну зиму и выучился кое-как читать. Тогда я стал доставать, где только мог, книжицы с житиями Святых и прочитывал их в сладость; и на скрижалях моего юного сердца всё глубже и глубже врезалась мысль – и самому стать монахом, и подражать Святым отцам. Но двенадцати лет родители отдали меня на конфектную² фабрику. Прожил я там три года, и возгорелась у меня прежняя мысль – быть монахом. Я бежал в Киев, чтобы поступить в монастырь. Однако побег был неудачным: я не имел никакого вида на жительство, и меня нигде не принимали в монастырь. Везде говорили: надо тебе иметь документы, а тогда приезжай, и мы тебя примем в монастырь.

О, как тяжело мне было и как не хотелось возвращаться туда, откуда я с такой радостью бежал! Но ничего лучшего придумать не мог и возвратился обратно. Когда же я приехал домой, родные начали меня допрашивать: где я был и зачем уезжал.

– Что заставило тебя внезапно пропасть, говори!

Я не отвечал и хотел было совсем умолчать, но меня заставили сознаться угрозами. Когда я признался, где я был, мои родные были весьма удивлены моим поступком. Я им рассказал всё подробно, почему меня не приняли в монастырь и объяснил, что все равно уйду в монахи. Но мне велели оставить эту затею и идти работать на своё старое место, делать конфеты. Ах, как мне было тяжело идти в шумную толпу рабочих, несмотря на то, что я был там всеми уважаем и любим, потому что старался всех уважить и каждому уступить, и никого не оскорбить. За это меня награждали лаской и любовью, как покорного мальчика. Послушав родителей, я опять пошёл на старое место. Товарищи спрашивали меня, где так долго пропадал, но я не сказал никому, где был, и прожил ещё два года. Наконец, на семнадцатом году жизни исполнилась моя заветная мечта, и я очутился в монастыре Тихона Калужского¹³, находящегося в

восемнадцать верстах от города Калуги. Там пожил я немного и на двадцать третьем году возраста своего решил оставить обитель и поискать более тихой и безмолвной жизни. Однажды в таком размышлении сидел я под старой сосной, стоящей недалеко от того места, где святой угодник Тихон спасался в дупле дуба. Моя мысль была восхищена, я чувствовал, как будто нахожусь здесь в то самое время, когда этот Угодник Божий творил молитву в дупле. Мне казалось, что тихие слова его молитвы доносятся до моих ушей, и эта молитва была усладительна, словно лёгкое журчание воды в пустынном месте. О, воистину из сердца Святых мужей исходят воды живые по глаголу Спасителя. Мне будто слышалась краткая, но отчётливая молитва Угодника: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», «Пресвятая Богородица, спаси мя!». Как сладостны эти короткие молитвы! Мне казалось, что я вижу эту пустыню такой, какая она много веков тому назад, когда спасался в ней Угодник Божий. От восторга слезы катились у меня по лицу, и я не заметил, как ко мне подошёл наш старый епископ⁴ и кротко обратился ко мне с монашеским приветом: «Благослови, брат!» Мне стало неловко, что я плачу, но он, как муж опытный, притворился как-будто ничего не заметил. Усевшись недалеко на зелёной траве, он обратился ко мне со словами:

– Что, брат, ты, наверно, любишь лес?

А я ему в ответ:

– Да, отче, люблю, но в нашем лесу кругом тоже люди, смотрите, какая толпа, – и я указал на паломников, идущих к часовне, построенной над дуплом дуба, сохранившегося и поныне, в котором спасался Преподобный.

Епископ сказал:

– Брат, здесь когда-то была безлюдная пустыня, и вместо людей только медведи ходили.

– Ах, отче, вот бы мне хотелось пожить в таком глухом месте!

Мой старик кротко улыбнулся, опустил голову в молчании и вздохнул. И только через минуту он заговорил:

– Да, брат, пустыня хорошее дело для монаха, но её в России не найти.

– А где, где, отче, можно найти пустыню?

– Э, брат, есть пустыня и пустыnnики, но далеко отсюда

– А как далеко?

– А вот я тебе расскажу, где есть пустыня и пустыnnики. Я был в Палестине и видел приходивших в Иерусалим с Иордана пустыnnиков, и на Старом Афоне⁵ был, и там есть много пустыnnиков, но только Старый

Афон тоже шумный. Там много обитателей и много монахов. Ещё есть на Кавказе Новый Афон^б, там тоже очень много пустынников, но всё же это очень далеко от нас.

И замолчал мой старец, а я пристально смотрел на него и заметил, как у него покатались слезы и он опустил голову в молчании. И я подумал: наверное, отцу тоже хочется в пустыню. Через некоторое время я прервал молчание вопросом:

– Отец дорогой, скажите мне, далеко ли Кавказ и Новый Афон?

– Да далеченько, рублей двадцать надо на дорогу.

И вдруг мой отец сказал:

– Надо идти, скоро вечерня, – и торопливо ушёл.

Остался я один, немного посидеть, и думаю: «Вот бы уехать на Кавказ!» В этом размышлении был я словно упоён, и вдруг удар колокола к вечерне прервал мои дальнейшие размышления. Я поднялся и пошёл к вечерне. Но, когда стоял я на молитве, мне всё лезли мысли про Кавказ, и не мог я противиться им. Дождавшись ночи, я провёл её почти без сна и решил окончательно уехать на Кавказ. Но прежде задумал хорошо расспросить своего прежнего собеседника про дорогу на Кавказ, обо всём подробно разузнать, что мне и удалось. Однако ещё была предо мною задача: как разделаться с монастырём? Надо было идти к игумену и просить документы, но он будет спрашивать, зачем я ухожу из монастыря и куда? Я решил говорить всю правду. Выбрав удобное время, я пошёл к игумену.

В прихожей игуменской кельи на этот раз никого не было, и я мог в последнюю минуту немного набраться смелости. Вдруг открылась дверь и из кельи вышел игумен. Я сделал ему почтительный поклон. Он ласково спросил меня:

– Что тебе надобно, брат?

У меня от этих слов сердце забилося, словно от испуга, и дух спёрся в груди так, что я не мог отвечать ему на вопрос. Он заметил моё волнение и говорит:

– Что с тобою, брат? Говори всё, не смущайся и будь спокоен.

И из моей груди вырвалось слово:

– Я хочу уйти из монастыря.

Игумен посмотрел на меня пристально и говорит:

– Куда и зачем ты хочешь уйти?

– Я хочу, батюшка, ехать на Кавказ и там поселиться в пустыни. Я слышал, что близ Нового Афона есть много пустынников.

– Откуда, брат, тебе это вошло в голову? Это тебе враг всеял такую

мысль. Иди на своё послушание, а вечером помолись и положи пятьдесят поклонов пред иконой Божьей Матери, от тебя отойдёт эта вражеская мысль и ты успокоишься.

Однако я заявил игумену, что серьёзно решил ехать на Кавказ. Он же мне говорит:

– Ну, ничего, что ты решил серьёзно, а ты меня послушай тоже серьёзно. Иди на послушание и помолись, как я тебе говорю. И я помолюсь о тебе, и у тебя эта мысль пройдёт. А завтра придёшь ко мне в это время.

Так я и ушёл, не получив того, что желал. Почти весь этот день я провёл в молитве, а вечером исполнил положенное мне игуменом правило, но намерение моё не изменилось. На другой день я опять пришёл к игумену. Он спросил меня:

– Что, брат, не раздумал?

– Нет, батюшка.

Тогда игумен опять начал меня уговаривать:

– Напрасно ты слушаешь врага. Он вложил тебе помысл, а ты его принимаешь. Разве ты не читал, что в пустыню уходили Святые отцы, проживши много времени в монастыре. Там прошли они всякое послушание и были испытаны в терпении озлоблений, пока пришли в великое смирение и через многие годы общежительного труда сделались способными к житию пустынному. А ты пожил пять с половиною лет в монастыре и уже думаешь, что ты опытен. Разве ты не знаешь, что враг рода человеческого под видом будто доброго дела уже многих вытаскивал из обители, и они сделались его добычей? Я тебе расскажу случай, бывший в древности, который описывается в Прологе. В Палестине был некоторый монастырь при подошве большого и высокого утёса, а в утёсе был вертеп (пещера) над монастырём. Монахи того монастыря рассказывали следующее. Один из нашего братства возымел желание жить в вертепе, что в горе, и просил о том игумена. Игумен имел дар рассуждения. Он сказал брату: «Сын мой, как ты хочешь жить один в вертепе, ещё несколько не преодолев плотских и душевных страстных помыслов? Желающему безмолвствовать должно быть под руководством наставника, а не самому управлять собою. Ты, несколько не достиг надлежащей меры, просить у моей худости, чтобы я дозволил тебе одному жить в вертепе. А я думаю, что ты не сумеешь различить сетей диавольских. Гораздо лучше тебе служить отцам, получать от Бога помощь их молитвами, с ними в назначенные часы славить и воспевать Владыку всех, нежели одному бороться с нечистыми и злохитрыми помыслами. Не слышал ли ты, что

говорит богогласный отец Иоанн, писатель Лествицы⁷: «Горе живущему наедине: если он впадает в уныние или леность, то некому восставить его, а где два или три собраны во Имя Мое, там Я посреди них, сказал Господь». – Так говорил игумен, но не мог отвлечь инока от душепагубных помыслов. Видя неодолимое желание брата и неотступные его просьбы, игумен, наконец, дозволил ему жить в пещере. Напутствованный молитвой игумена, он вошёл в вертеп. В часы употребления пищи приносил её к вертепу один из монастырской братии, а затворник имел на верёвке корзину, которую спускал и принимал пищу. Когда инок пробыл несколько времени в пещере, диавол, всегда борющийся с желающими жить богоугодно, начал смущать его злыми помыслами день и ночь, через несколько дней, преобразившись в светлого ангела, он явился ему и сказал: «Да будет тебе известно, что ради твоей чистоты и благонравного жития Господь послал меня прислуживать тебе». Монах отвечал: «Что сделал я доброго, чтобы ангелы служили мне?» Диавол отвечал: «Всё, что ты сделал, велико и высоко. Ты оставил красоты мира и сделался монахом, трудишься в посте, молитвах и бдении. Опять ты, оставив монастырь, поселился на жительство здесь. Как же ангелам не служить твоей святине? Этими речами душегубец-змей привёл его в надмение, в гордость и начал постоянно являться ему. Однажды некоторый человек, обокраденный ворами, пришёл к монаху. Нечистый бес, который, обольщая его, являлся в виде ангела, сказал: «Этот человек окраден ворами; украденное скрыто в таком-то месте; скажи ему, чтобы пошёл он туда и взял своё». Человек, пришедши к вертепу, поклонился, а монах сверху говорит ему: «Хорошо, брат, что ты пришёл, я знаю: тебя постигла скорбь, потому что к тебе приходили воры и украли у тебя то и то; не печалься, они положили украденное там-то; пойдя туда и найдёшь всё, а за меня молись». Человек удивился, послушался и нашёл украденное. Он прославил монаха во всей стране той, говоря, что монах, живущий в вертепе, – пророк. К монаху начало стекаться множество людей; слушая его, они приходили в удивление от учения, которое он преподавал по внушению диавола. Он предсказывал, и предсказания его сбывались. Несчастный провёл немалое время в таком обольщении. Во второй день второй недели по Вознесении Господа нашего Иисуса Христа скверный бес явился монаху и сказал ему: «Знай, отец, что ради непорочного и равноангельского жития твоего придут другие ангелы и тебя в теле возьмут на небо. Там со всеми ангелами будешь наслаждаться зрением неизреченной красоты Господней». Бес, сказав это, сделался невидим. Но человеколюбивый и милостивый Бог, не хотящий гибели

человеческой, вложил в сердце монаху возвестить о случившемся игумену. Когда пришёл брат, обычно приносящий пищу подвижнику, затворник, выглянув из вертепа, сказал ему: «Брат, пойдёшь скажи игумену, чтобы он пришёл сюда». Брат передал это игумену. Игумен поспешил прийти. По лестнице взойшёл он в вертеп к затворнику и сказал ему: «По какой причине, сын мой, ты повелел мне прийти сюда?» Он отвечал: «Что воздам тебе, святой отец, за всё, что ты сделал для моего достоинства?» Игумен сказал: «Что доброе я сделал тебе, монах?» – «Поистине, отец, через посредство твоё я сподобился многих и великих благ. Тобою я облечён в ангельский образ; при твоём посредстве вижу ангелов и сподобляюсь беседовать с ними; при твоём посредстве я принял дар прозорливости и пророчества». Игумен, услышав это, удивился и сказал: «Несчастный, ты ли видишь ангелов? Ты ли сподобился дара прозорливости? Горе тебе, несчастный! Не говорил ли я тебе: не ходи в вертеп, чтобы бесы не оболестили тебя?» Когда игумен говорил это, брат возражал ему так: «Не говори этого, честный отче! Ради твоих святых молитв я вижу ангелов; завтра же я буду вознесён ими на небеса с телом моим. Да ведает, твоя святыня, что я хочу просить у Господа Бога нашего, чтобы и тебя взяли ангелы, чтобы и ты был со мною в небесной славе». Услышав это, игумен грозно сказал ему: «Ты оболещён демоном, несчастный. Однако, если я пришёл сюда, то не уйду отсюда: останусь здесь посмотреть, что случится с тобою. Но, если я скверных бесов, которых ты называешь ангелами, не увижу, то ты, когда увидишь, что они пришли, скажи мне». Игумен велел взять прочь лестницу и остался в вертепе с прельщённым, пребывая в посте и непрестанном псалмопении. Когда наступил час, в который прельщённый надеялся вознестись на небеса, он увидел бесов пришедших и сказал: «Пришли, отец». Тогда игумен обнял его и возопил: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помози, помози прельстившемуся рабу Твоему и непусти нечистым бесам возобладать им». Когда игумен говорил это, бесы схватили и начали тащить прельщённого, усиливаясь исторгнуть его из объятий игумена. Игумен запретил бесам; они, сорвав с прельщённого его мантию, исчезли. Мантия была видна возносящуюся по воздуху ввысь и, наконец, скрылась. По прошествии довольно времени мантия опять показалась летящею вниз и упала на землю. Тогда старец сказал прельщённому: «Безумный и несчастный! Видишь, как бесы поступили с твоею мантией, так намеревались они поступить и с тобою. Они намеревались тебя, как Симона волхва⁸, вознести на воздух и спустить вниз, чтобы ты сокрушился и бедственно изверг окаянную душу». Игумен призвал монахов, велел им

принести лестницу, свёл прельщённого из вертепа в монастырь и назначил ему служение в пекарне, поварне и прочих монастырских послушаниях, чтобы смирились его помыслы. Таким образом, он спас брата, и тот провёл всю остальную свою жизнь в монастыре на послушании, трудясь о спасении души своей. Я рассказал тебе эту историю, чтобы ты знал, что враг не только с худой стороны подходит, но и с хорошей иногда строит неопытным погибель. Он, как лев, рыкая, ходит, иский кого поглотити⁹. А уйти в пустыню новонаначальному – то же, что неоперившимся птенцам излететь из гнёздышка. Как эти птенцы нередко бывают добычей зверей, так новоначные легко уловляются врагом. Одумайся, брат. Иди на послушание.

Я начал колебаться, не оставить ли задуманное, и, поклонясь игумену, пошёл на послушание. В первый день после беседы с игуменом я был будто покоен, не думал о пустыни. Но на другой день и на третий день снова пустыня не выходила у меня из головы. Я не мог ни молиться, ни есть, ни спать, а только всё думал о пустыне и решил идти в третий раз к игумену с тем, чтобы окончательно взять документ и уехать на Кавказ в пустыню. Когда я пришёл опять к игумену, он меня спросил:

– Что, не раздумал?

– Нет, батюшка.

Он пытался ещё уговаривать, но было бесполезно. Тогда он отдал мне документы и благословил со словами: «Да будет благословение Господне и преподобного отца нашего Тихона над тобою, и в благом твоём намерении да поможет тебе Бог!»

Глава 2. На пути в пустыню

Задуманное мною исполнилось на деле. Я приехал на Кавказ, в Новый Афон, и первым делом стал готовиться к причащению Святых Таин. После же причащения стал расспрашивать монастырских братьев о пустынножителях. Мне сообщили, что в настоящее время в монастыре есть пустынножители, пришедшие с гор.

Мне пришлось идти от водопада по пустой аллее кипарисов, и я был занят одною только мыслью: как бы мне увидеть пришедших пустынножителей. В глубине сердца я просил Бога, Промыслителя всех, дабы Он Сам всё устроил мне на пользу. Подняв свой опущенный взор, я увидел медленно подходившего ко мне навстречу монаха. Это был высокого роста человек лет тридцати пяти. Его светлое исхудалое лицо было обращено прямо на меня. Поравнявшись, я его приветствовал по-монашески:

– Благослови, отче!

Он в ответ мне:

– Бог благословит, брат. – И почему-то внезапно окинул глазами стоявшую вблизи под кипарисами скамейку и тихо кроткими словами сказал мне: – Садись, брат, отдохни.

И сам уселся на скамейку, а я тоже присел рядом. Между нами с минуту было молчание, но вдруг он спросил меня:

– Откуда, брат!

– Из России, отче.

– Что в Афон приехал, думаешь поступить или только помолиться?

А я откровенно ему в ответ:

– Нет, отец, я приехал на Кавказ и хочу идти в горы, в пустыню.

Он со скромной улыбкой взглянул на меня и спросил:

– Сколько тебе лет?

Я ответил ему:

– Двадцать третий год.

– Да, брат, года твои ещё молодые, – сказал он.

А я, смотря на его одежду, заметил, что он не монастырский, т. е. не афонский. Извиняясь, я спросил его:

– А Вы, отче, здешний будете?

– Нет, я пустынножитель, живу в горах и пришёл в монастырь по своим нуждам.

– А далеко отсюда Ваша пустыня?

– Сто пять вёрст, в Ажарах¹⁰.

Сердце моё возрадовалось о такой встрече. От радости я не мог сдержаться себя, чтобы было незаметно, и говорю ему:

– Нельзя ли, отче, пройти с Вами в Вашу пустыню? Желательно бы и мне где-нибудь устроиться в пустыньке.

А он мне говорит:

– Это хорошо, но сам по себе не рискуй, а надо поискать старца или брата по духу и с ним можешь устроиться! А одному плохо, в особенности потому, что ты ещё молод и тебе надо ознакомиться с пустынною жизнью. За мою память у нас жили несколько душ молодых, которые, горя ревностью к безмолвию, рисковали сами устраиваться в этих безлюдных местах, не зная ни порядка жизни, ни условий местности, ни самих себя и, думая, что раз у них такое желание, то этого уже и достаточно для того, чтобы поселиться в безмолвии и быть совершенными. Но на деле не так. Много приходится в пустыни испытать скорбей и искушений то от злых духов, то от недобрых людей, то от естества своего и своей плоти, то от бесчисленных помыслов, лезущих в голову и пленяющих ум и сердце неопытных. Многие из молодых вынуждены были искать или старца, или брата по духу, а некоторые возвратились в монастырь. Да, брат, трудно в пустыни ужиться без Божией помощи.

– А с ними разве не было Божией помощи, что они не могли ужиться в пустыни?

– Зачем, брат, так говорить. Бог назирает над всеми, как чадолюбивый отец, но за наше самонадеяние Он попускает нам впадать в различные искушения, дабы этим научить нас смирению, чтобы мы не надеялись на себя, но возлагали всю надежду на Бога и спрашивали совета опытных. Ибо говорится в Писании: *Спасение во мнозе совете¹¹*) Итак, брат, всякое доброе дело надо начинать с полной надеждой на Бога и с советом опытных, и тогда у нас во всём будет успех.

Потом пустынный сказал, извиняясь:

– Прости, брат, ты и сам всё это знаешь хорошо.

– Спаси Господи, отче, за доброе слово.

Но тут нашу дальнейшую беседу прервал звон часов на колокольне. Пробило три часа, и мой пустынный сказал:

– Надо идти пить чай, скоро вечерня.

Мне не хотелось от него отстать, словно от близкого знакомого. А он, как будто зная мою мысль, и говорит мне:

– Если желаешь, пойдём в наше пустынною помещение и попьём чайку.

– С удовольствием, отче, очень рад.

И мы отправились в помещение, где останавливались пустынные. Когда мы вошли в него, небольшого роста пустынный приветствовал нас словами:

– А я кипятку принёс. – И, обращаясь к встреченному мной пустынному, сказал: – Доставай чай, где он у тебя? Я не нашёл.

Тот взял с угла свой мешок, достал какой-то травки, заварил её, как чай, и сразу всё помещение наполнилось каким-то приятным ароматом. Я был удивлён этим чаем и не вытерпел, спросил:

– Что это за чай?

Мне сказали, что это пустынный чай, он растёт в горах и называется фамиямник¹².

Пока они приготавливали чай, я успел осмотреться. Помещение было каменное, сырое, с длинными нарами, на которых лежали рогожки из морской травы вместо тюфяков, стоял длинный стол и несколько простых табуреток – вот и вся обстановка. Невысокий монах обратился ко мне:

– Садись, брат, с нами чай пить, – и подал чашку чая и несколько сухариков из кукурузной муки, сказав: – Отведай, брат, наших пустынных сухариков.

И эти сухарики были мне в сладость. Мы сидели втроём за этим скромным чаем в молчании. Мне не терпелось начать расспросы о пустыни, но я не смел. Вдруг прежний мой собеседник сказал:

– Вот, брат, если желаешь посмотреть пустыньку, как ты мне говорил, то мы можем тебя провести познакомиться с местностью и с отцами, так как завтра отправляемся домой. А там, может быть, Бог поможет тебе устроиться с каким-либо отцом и жить в пустыньке.

Я был очень рад такому предложению и со своей стороны выразил отцам великую благодарность за то, что они принимают участие в устройстве моей жизни.

На другой день после ранней обедни отправились мы втроём в город Сухум пешком с великими ношами, пуда по полтора у каждого. Было летнее время, жара невыносимая, ноша тяжёлая. Мне было без привычки весьма трудно; но я представлял, что скоро увижу давно желаемую пустыню и отцов пустынных, и забывал всю усталость, несмотря на то, что ноша угнетала своей тяжестью, а солнце палило, словно раскалённая печь. Мы медленными шагами двигались вперёд в полном молчании. Хотя по юности лет мне любопытно было бы кое о чём порасспросить моих путеводителей, но я себя сдерживал, чтобы не нарушать усвоенного ими безмолвия. Только была слышна в тишине бесконечная надоедливая песня цикады. В то время эта дорога была заросшей по сторонам непролазной

густой колючкой и жилищ не было от Нового Афона до Сухума. Но зато в зарослях было бесчисленное множество шакалов. Приехавшим в первый раз на Кавказ было особенно интересно слушать, как эти шакалы поют по вечерам и утрам. Своею песнью они напоминают деревенских подростково-шалунов, которые, забравшись летом в густую пшеницу или рожь, начинают выкрикивать разными детскими голосами. Наконец, очень усталые пришли мы в Сухум и поместились на подворье Драндовского монастыря¹³. К нашему счастью, заведующие подворьем монахи оказали нам радушный, братский приём и услужили во всём, что путешественникам требуется. Подкрепившись, мы забыли свою усталость, и я тогда вспоминал Исаака Сирина¹⁴, говорящего, что *работающему Господу весь мир поработает, как раб*. И воистину так бывает.

Мне хотелось знать имена своих спутников, но я не смел их спросить, вспоминая наставления святых отцов, предостерегавших новоначальных монахов от любопытства. Особенно вспоминался мне один случай, описанный в «Отчнике» епископа Игнатия Брянчанинова¹⁵: у одного старца был ученик, и старец постоянно называл его «брат» и не знал его имени. Однажды пришёл другой старец навестить этого старца. Довольно побеседовав, пришедший старец спросил хозяина келий: «Как звать твоего ученика?» Хозяин ответил: «Не знаю, как его звать. Спроси его сам». – «А давно он с тобой живёт?» – «Год». – «Если он с тобой столько живёт, и ты не знаешь его имени, то зачем мне знать ради одного дня!» Такое было у Святых воздержание от любопытства. Вспоминая их, и самому приходилось воздерживаться, хотя и не без труда.

Но вот, к моему счастью, приходит к нам монах в белом балахоне и лаптях. Я сразу понял по одежде, что это пустынный. Его первое слово было: «Благословите, отцы!» Он обратился к моим спутникам, как к своим:

– Когда уходите из Сухума домой? – И назвал их по именам: высокого назвал отцом Иосифом, а низкого – Никанором. Отсюда я и узнал их имена.

Отец Иосиф обратился к подошедшему к нам монаху со словами:

– Отец Онисим, возьми этого брата к себе в пустыню. Он желает начать эту жизнь, но я ему не советовал бы начинать одному.

И этот отец Онисим в свою очередь тоже подтвердил:

– Да, юным одним плохо в пустыни жить.

Я же с своей стороны давай просить его взять меня с собой. Но отец Онисим сперва давай мне объяснять, что живёт в весьма суровом ущелье на реке Брамбе, впадающей в реку Кодор, что в его пустыни нет никакого

утешения, что у него нет никакого огорода, как у прочих отцов, что он питается одной кукурузной мукой, которую добывает у жителей за своё рукоделие, и что у него весьма трудное правило и крайняя нищета. Но юным и новоначальным это-то сразу и приходится по сердцу; о дальнейшем они не рассуждают. Так случилось и со мной. Этими словами о своей жизни он не только не оттолкнул меня, но наоборот, я ещё больше привязался к нему с просьбой взять меня с собой; да и отец Иосиф давай просить его за меня. Отец Онисим немного подумал да и говорит:

– Ну ладно, пойдём со мной. А если не уживёшься, то там есть много отцов, с кем-нибудь да уживёшься, если есть желание в пустыни жить.

Я был весьма рад и от радости не знал, как его благодарить. Уж больно отец Онисим мне понравился: вид его был очень скромен, речь спокойна и рассудительна, лицо застенчиво и смиренно, как подобает монаху.

И говорит он мне:

– Вот, брат, выходит затруднение: вы идёте с Афона, а я в Афон, и, пожалуй, пробуду там дня четыре. Если желаешь, сходи в монастырь в Дранды, он от Сухума в восемнадцати верстах, и приходи сюда через три дня. Мы тогда и пойдём вместе в пустыню.

Я так и поступил: пошёл в Дранды, но вместо трёх дней пробыл там больше недели, проболев лихорадкой. Я не знал Кавказа, мне приходилось лежать на голой земле, а от этого здесь пристаёт лихорадка. Что мне теперь было делать? Пришлось самому идти в Ажары. Я расспросил монахов о дороге и отправился, нисколько не медля. В тот же день я пришёл на Цебельду¹⁶ – так называлась местность, в то время заселённая немногими армянами. Выше жилищ армян стояла и донныне целая древняя крепость. Ею тогда заведовали драндовские монахи, она служила им вместо подворья. Здесь мне пришлось сделать ночлег. А на другой день я достиг Ажар, пройдя сорок вёрст за день. Несмотря на такой быстрый ход, я многим интересовался по пути. Дорога представляла собою полузаброшенное узенькое шоссе, всё более теснимое горами. По правую руку были местами ужасные глубокие обрывы, а внизу с невероятным рёвом мчалась в море быстрая река Кодор. Смотря на её стремительный поток, я был словно очарован. Мне казалось, что жизнь человеческая с такой же быстротой мчится к беспредельному морю вечности. Мне виделось, как многие, не понимая этого быстрого течения, с гордостью мнят себя плохо плывущими и рассчитывающими своё плавание на долгие годы. Но, увы, часто они ошибаются. Слева надо мной возвышался страшной высоты утёс, который словно хотел накрыть собой мимо

идущего путника. Это был утёс, называемый Богатская скала. Над ним, словно в лёгких ладьях по тихому морю, парили большие орлы. Они чувствовали себя в безопасности, отрешившись от земли. И опять мне вспомнились те люди, которые, подобно этим орлам, оставили многосчётную землю и взлетели в сей горный мир. Конечно, привязанные к этой несчастной плачевной юдоли, эти люди неспособны к орлиному полёту. Они, подобно змее, пресмыкаются по земле, и пища их – прах.

В таком размышлении я и не заметил, как пришёл в Латы¹⁷. Здесь был один дом и казённая будка. Тут пришлось мне немного отдохнуть. Я закусил хлебом с водой и отправился дальше. Вид гор становился всё более и более живописен. То расселина, зияющая, словно пасть чудовища, то склоны, поросшие разнообразной зеленью, то вдали, словно исполины, горы выступают из-за густых зелёных лесов, и головы их украшены белыми облаками, будто светлыми кудрями. Такой вид имеют высокие горы с покрытыми вечным снегом макушками, опоясанные светлыми тучками. И благоразумный путешественник, видя столь украшенную природу, невольно из глубины души взывает: *Слава Тебе, Господи, вся премудростью сотворившему!* В подобном восхищении пробыл я чуть не весь этот день моего путешествия. Внезапно увидел я стоящие слева от дороги ворота с крестом. Я догадался, что это подворье Драндовского монастыря, находящееся не доходя одной версты до селения Ажар. «Слава Богу, – подумал я, – дошёл!» И свернул к домику. Меня встретил скромный видом монах. Я поклонился ему со словом «благословите!», а он мне в ответ:

- Бог благословит! Заморился, брат?
- Да, отче, устал.
- Ну, заходи в помещение.

Я зашёл, и он принял меня, как своего родного. Наутро я расспросил об отце Онисиме, и он подробно объяснил мне дорогу. Я поблагодарил и, распрощавшись, отправился к отцу Онисиму. Надо было переходить реку Кодор. На счастье, был перекинут абхазский мост. Страшно было идти по нему. Он, словно на пружинах, весь так и ходит. Пока я перешёл, пот выступил у меня от страха. Дальше отправился я по ущелью в верховья реки Брамбы. Ущелье было глубокое и мрачно-суровое. Вокруг рос пихтовый лес, но над рекой были густые заросли кустарника, среди которых тянулась едва заметная тропка. Вдруг она оборвалась речкой. Здесь были приделаны крючки из веток, сажени на две. По ним надо было спускаться чуть не в речку и идти над самой водой, держась за крутой

берег. То поднимаясь в гору, то опускаясь вниз, прошёл я так восемь вёрст, а говоря по часам: часа три ходу, и вышел на поляну, заросшую ежевикой и кустарником. Я был весьма утомлён, и этот путь показался мне тяжелее вчерашнего. На поляне стояла келья. Я подошёл к ней поближе и присел отдохнуть. Глубокая тишина была на этой поляне, не слышно было даже шума реки, так надоевшего мне за дорогу. Когда я немного успокоился и отошёл от усталости, услышал я тихие звуки, доносившиеся из кельи. Слышу слова Псалтыри: *Горы высоким еленем, камень прибежище зайцем...*¹⁸), и понял я, что отец читает вечерню, потому что дело было уже к вечеру. Я подождал некоторое время, пока опять настала тишина. «Ну, – думаю, – надо идти к келье». Подхожу с громкой молитвой:

– Молитвами Святых отец наших, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас! – и слышу:

– Аминь!

Из кельи вышел отец Онисим. Он весьма удивился, узнав, что я один, без проводника, его нашёл.

– Ну, скидывай, брат, мешок с плеч.

И сам помог мне скинуть мешок с плеч. Потом увёл меня в свою келью, сотворил молитву и с весёлым лицом говорит мне:

– С приходом, брат!

Затем засуетился, начал греть кипятком. Когда тот был готов, отец Онисим стал извиняться, говоря:

– Что, брат, делать – у меня чаю ведь нет.

– Не беспокойтесь, отче, у меня есть ещё монастырский чай.

Вынул я чай и оставшиеся от дороги сухарики, и мы уселись вдвоём чаёвничать. Во время нашей скромной трапезы отец Онисим стал меня расспрашивать, почему я не пришёл по условию. И я рассказал, что болел лихорадкой.

– Ну, хорошо, что не заблудился дорогой, а то здесь выше меня живёт барс, я часто слышу его оглушительный крик.

И только он это сказал, как вдруг послышался такой страшный крик, что у меня мороз пошёл по телу, а эхо от этого крика раздалось по всем хребтам, окружающим нас. Отец Онисим обратился ко мне с улыбкой и сказал:

– Счастлив ты, брат, и барс тебя поздравляет с приходом.

– Ах, какой резкий крик, как Вы не боитесь жить здесь один?

– Зачем мне бояться, барс сюда не придёт, и я к нему тоже не пойду, и бояться нечего.

– Ну, отец, а звери его боятся?

– Наверное, боятся, потому что я видел здесь на поляне дикую козу, которая при его рёве растерялась от испуга и вместо того, чтобы бежать в лес, прибежала ко мне под сарай.

Когда мы попили чаю, отец Онисим стал заботиться, чтобы дать мне поскорее отдых, и говорит:

– Давай, брат, немного помолимся, да ложись-ка отдыхать, а то ведь устал с дороги.

Мы помолились на сон грядущий и улеглись спать, я сразу заснул как убитый.

Проснулся я, когда на дворе стало уже совсем светло, а отец Онисим, видно, уже давно встал. Помолившись немного, мы стали разговаривать о жизни. Я начал просить его, чтобы принял меня к себе в ученики. Он и говорит мне:

– Знаешь, брат, старцем я тебе не могу быть, а собратом могу. И если желаешь терпеть со мной всякие нужды, скорби и искушения, то оставайся.

Я согласился всё терпеть и во всём его слушать и повиноваться. Тогда отец Онисим сказал:

– Ну, брат, давай помолимся Господу Богу, чтобы Он нас укрепил в этом новом начинаемом нами подвиге. Мы должны, брат, всю надежду возлагать на Господа, как Господь говорит: *Без Мене творите не можете ничесоже*¹⁹. И Давид пророк говорит: *Аще не Господь созиждет дом, все трудшиася зиждущим, аще не Господь сохранит град, все бде стрегий*²⁰. Итак, брат, всё доброе от Бога, а от нас желание, произволение, решение и терпение.

И мы стали на молитву. Отец Онисим прочёл просительные молитвы, а я стоял молча, только в сердце и уме просил Бога так: «Господи, устрой жизнь мою не как я хочу, а как Тебе угодно, и тогда мне будет на пользу». Отец Онисим прослезился и говорит:

– Господи, Ты испытуешь сердца и утробы и ведаешь тайная помышлений наших; буди помощник рабу Твоему, начинающему многотрудный путь сей для прославления имени Твоего Святого во имя Отца, Сына и Святого Духа!

Я сказал:

– Аминь! – И после молитвы почувствовал, что моя заветная мечта исполнилась и я стал пустынноиком.

Глава 3. Отец Онисим

Живу я у отца Онисима и не нарадуюсь. Мне была приятна и любезна эта убогая маленькая келийка, едва вмещавшая нас двоих, меня приводила в восторг окружающая природа. Кругом нас возвышались горы огромной высоты, на вершинах покрытые снегом, а внизу поросшие высоченным пихтовым лесом. Пихты, несмотря на столь крутые склоны, росли очень правильно, они тянулись к небу, как натянутая струна. Часто, смотря на них, я размышлял, что и человек, как разумное существо, должен возвышаться своим умом от земли к Небу, что он не должен только ползать по земле, расстилаться по ней подобно этой колючей ежевике или прелестному шиповнику, которые своими острыми иглами не только рвут одежду прикасающихся к ним, но и ранят тело. Так и те люди, которые прилепились умом долу, бывают подобны этим колючим терниям: кто к ним неосторожно прикасается, тому они не только рвут одежду, но нередко и душу. В таком размышлении задумался я как-то и о себе, чтобы и мне не стать подобным колючему и бесплодному тернию и непотребному плевелу, зная Господню евангельскую притчу о плевелах сельных, которые будут сожжены огнём неугасимым²¹. Так занимался я частенько размышлением о Священном Писании и этим подкреплял себя в терпении. Правда, приходилось трудно без навыка пустынной жизни, но, помня слова Господа во святом Евангелии: *Взявшись за рало да не возвратишия вспять*²², – я решил терпеть всё во славу Божию, хотя жизнь у отца Онисима была до крайности сурова. Его правило молитвенное было почти бесконечное. Он то чётки тянул с молитвой Иисусовой или Богородичной, то читал неумоимо святые Евангелие и Псалтырь. Заставлял он и меня читать часто, особенно Псалтырь. Хотя я читал весьма медленно и путался, но он терпеливо меня поправлял, указывал на ошибки. Бывало, говорит мне кротким тоном:

– Ты, брат Дмитрий, учись больше всего правильно произносить при чтении слова, а скорости чтения научишься постепенно.

И я ему за это был благодарен. Питался он единственно кукурузной мукой. Приготовлял её так: наливал в небольшую кастрюлю воды и сыпал немного соли, и как закипит вода – всыпал четверть фунта муки и получалась жиденькая каша. Ради меня он ещё столько же прибавлял, и это была вся наша трапеза. Правда, он был человек сильный и крепкий во всём, а я, пожив при таких условиях полтора месяца, почувствовал большой упадок сил. Отец Онисим хотя и замечал, что мне трудно терпеть

крайнюю скудость пищи, но изменить ничего не мог, потому что у него не было никаких средств и жил он в крайней нищете. Но вот у нас на поляне в изобилии поспела прекрасная ежевика. Я обрадовался, подумав: «Ну, теперь я поправлюсь». Попробовал есть её с кукурузной похлёбкой и мне понравилось. Но, к моему несчастью, о ежевике узнали медведи и повадились по неё. Мне приходилось отгонять их, чтобы они не топтались по ягодам. Бывало, наберу ежевики, принесу отцу Онисиму и говорю: «Отец, покушай ягод». И он скажет: «Хорошо, положи». Я положу их, и они лежат, пока не испортятся. Таково было его воздержание. Однажды запала мне в голову мысль узнать, откуда он родом, но спросить как-то не решался. А однажды и сам отец Онисим начал меня расспрашивать, откуда я и есть ли у меня родные. Я ему рассказал всё о себе подробно, а затем осмелился и сам его спросить, откуда он. Вот что он мне рассказал о себе:

– Я, брат, родом Тамбовской губернии. Родители мои были крестьяне. Они не были богаты, но и бедности не терпели. Они держались старообрядческой секты. Отец был ревностный старообрядческий начётчик, и мать была закоренелая старообрядка. В этом и меня воспитывали. Но вот последовала над нашим домом измена десницы Вышнего. Отец мой начал прилежно рассматривать, в чём разница веры между Восточной Церковью и старообрядцами и увидел крайнее своё заблуждение. Немедля он стал готовиться к принятию Православной веры. А мать всё ещё оставалась в своём прежнем мудровании и не хотела слушать отца, когда он ей доказывал, что вера Восточной Церкви истинная и незаблудная, что святость её доказывается великими чудесами, совершавшимися через Святых угодников от начала её и до нашего времени просивающими, как, например, святитель Феодосий Черниговский, Иоасаф Белгородский, Серафим Саровский. Но мать не хотела обращать внимания на доводы отца, и отец, видя грубое невежество и упорность её, оставил мать в покое, а сам стал истинным сыном Восточной Церкви. Мне было тогда только двенадцать лет от роду, и я был под влиянием матери. Отец, любя меня, заботился о моём просвещении и часто беседовал со мной о вере, о том, почему староверы откололись от Восточной Церкви, и доказывал, что это произошло от невежества. Видя благоразумие отца, я всё более склонялся последовать за ним. И вот однажды, когда сидел я в саду и размышлял о вере, мне вдруг представилось, что я нахожусь между какими-то двумя колоннами. Одна колонна – это будто бы была моя мать. От неё исходило густое и смрадное облако. Оно так душило меня своим смрадом, что я стал задыхаться, но уйти от этого облака никуда не мог. А другая колонна – будто бы отец

мой. Задыхаясь от смрадного облака, с великим воплем обратился я к колонне, как к отцу, со словами: «Отец, спаси, спаси меня, погибаю!» И вдруг от колонны отца моего внезапно блеснул молниеносный свет и как бы поглотил тьму, я стал свободен от облака, и видение исчезло. Я перекрестился и побежал в дом с растерянным и испуганным видом. Мать и отец заметили меня в таком испуге и давай настойчиво спрашивать, что случилось со мной. Я тут же рассказал им подробно всё, виденное мною. Я заметил, как у отца покатались из глаз слёзы, и он набожно перекрестился, а мать стояла и смотрела на меня с каким-то удивлённым и испуганным лицом. Несколько минут в доме было глубокое молчание. Потом отец обратился ко мне со словами: «Вот, сын мой, Сам Господь призывает тебя к Православию. Оно есть путь истины. Ведущий от тьмы к свету, о котором говорится во Святом Евангелии: *В нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. ... Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал; пришёл ко своим, и свои его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими*²³. Итак, дорогой мой, придётся и тебя привести к Церкви, матери нашей, потому что кому Церковь не мать, тому Бог не отец.

Я ответил: «Ты, папа, лучше знаешь». А мать моя, смотря то на меня, то на отца, ничего не возражала, как бывало прежде. После этого случая протекло некоторое время, и настал Успенский пост. Вот однажды отец, когда матери не было дома, спрашивает меня: «Как ты, сынок мой, хочешь быть православным?» – «А, как, батя, быть православным и что это значит?» Он мне и объяснил: «Быть православным, сын мой, это значит веровать в Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь и принимать от неё все семь таинств и все её догматы, как научили нас Святые апостолы и Святые отцы и как утвердили Вселенские Соборы. Так и мы должны веровать и все уставы Церкви исполнять и хранить». – «А ты как веруешь, папа?» – «Я верую, как тебе говорю». – «Ну, и я хочу веровать так, как ты веруешь, а маминой веры не хочу». – «Так вот, сынок, дождёмся праздника Успения Божией Матери и пойдём со мною в церковь. Там батюшка прочтёт над тобою молитвы и миропомажет тебя». – «Папа, а что есть миро?» – «Миро есть таинство, печать Духа Святого, без этого таинства крещение бывает несовершенно». – «Я, папа, на всё согласен, как ты хочешь». – «Хорошо, только не говори маме», – очевидно, отец хотел, чтобы она не знала до времени, дабы не препятствовала нашему делу. Дождавшись праздника Успения Божией Матери, мы с

отцом отправились в церковь. Хотя для матери это было немного неприятно, но после рассказанного мною видения она стала значительно мягче относиться к отцу. В то время как совершали надо мною церковный обряд, я опять видел вверху над собою мрачное облако, но, когда иерей начал меня миропомазывать и произнёс слова: «*Печать дара Духа Святого*», – я в этот момент увидел, как свет молниеносный озарил меня и тьма исчезла. Приобщившись Святых Таин, я почувствовал какую-то радость невыразимую и сладостную. И так я стал православным. Я часто ходил в церковь и в своём юном сердце молил Бога, чтобы Он обратил и мать мою к Православной вере. И Господь услышал молитву мою: через год после меня и мать приняла Православие и была весьма ревностной к Православной вере, стала сама часто ходить в церковь и меня заставляла. Все четыре поста в год непременно исповедалась и приобщалась Святых Таин. Бывало, говорит она мне: «Не ходи на улицу к ребятам шалить, а лучше почитай Псалтырь, а я послушаю, что пророк Давид пишет». И я, бывало, читаю, а мать слушает с великим вниманием. Особенно удивляли её слова Пророка, говорящего: *Всуде мятется всяк человек живой. Собирает богатство и не знает, кому собирает его, не знает, кому останется богатство его. Но блажен тот человек, который возлагает все упование свое на Господа Бога Своего*²⁴. И в Евангелии от Матфея, бывало, читаешь, где сказано: *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше*²⁵. И мать моя от этих слов приходила в умиленный плач, а в моё сердце так запали эти божественные слова, что остались и поныне как-будто только что прочитанные. И так счастливо жил я с родными пока мне не исполнился двадцать один год, когда меня взяли на военную службу. Служил я на Кавказе в Батуме и сдружился с товарищами, которые проводили жизнь разгульную и мерзкую. Они завлекли и меня к таким же порокам: пьянству, разгулам и всяким мерзостям. Когда я впервые впал в смертный блудный грех, то почувствовал, как от меня отошла благодать и сердце моё исполнилось какого-то мрака. Почувствовав лишение духовной сладости и утешения, которыми прежде наслаждался, я стал скорбеть и плакать, но, увы, содружество прежних друзей моих влекло меня к новым и новым порокам. И, как бы радуясь моей гибели, сердце моё стало грубо и холодно к Богу и ко всякой добродетели. Окончил я военную службу в чине фельдфебеля и по рекомендации моих друзей поступил надзирателем в Батумскую тюрьму. Стал я жить во всём удовольствии

телесном, но совесть моя укоряла за мою скверную жизнь, а на сердце – тоска, уныние, всё мне скучно и немило. Я пытался подавить эту скуку то театральными развлечениями, то увеселительными собраниями друзей, но это давало минутное забытё скорби, и опять новая и новая волна тоски накрывала меня, словно волна морская. И того утешения и той радости, которые я имел до падения, не мог я уже найти. Однажды взял я отпуск со службы недели на две с той целью, чтобы поехать куда-нибудь и хоть немного разогнать скуку и ненамеренно заехал в Новый Афон близ Сухума. Этот монастырь был благолепного вида; словно рассадник мудрого садовника, он был украшен разными тропическими деревьями, масленичными, апельсиновыми и лимонными садами, кипарисными аллеями и прекрасными зданиями. Афон давал каждому приезжему успокоительный и приятный отдых. Здесь с первого дня почувствовал я некую отраду души. Я стал ходить в церковь с той мыслью, чтобы исповедать свои грехи и причаститься Святых Таин. Но враг, видя это благое намерение моё, начал всевать мне разные нелепые и кощунные мысли против монахов, что вот, дескать, это лицемеры, формалисты, обманщики и тому подобное. Я, было, сопротивлялся, но мысли сами лезли в голову, и я понял, что это дело нечистого духа. И решил я исповедаться, но, когда подошёл к исповедной, помыслы внушали мне, что это всё лишнее, можно и без исповеди жить, что всё это выдумали попы да монахи. Я был весь охвачен разного рода хульными мыслями. Все-таки с великим трудом я решил подойти к духовнику иеромонаху и исповедать свои грехи. Но и тут сатана начал внушать мне: «Ты этого не говори и того не надо говорить...» Однако иеромонах был духовно опытен, он начал мне мои грехи сам напоминать, и я всё исповедал чистосердечно. Когда иерей произнёс слова: *«Данной мне властью прощаю и разрешаю во имя Отца, Сына и Святаго Духа»*, – то я ясно почувствовал, что с сердца моего снялось как бы мрачное покрывало и озарил его свет, и у меня от сознания своего беззакония слёзы полились из глаз ручьём. Приобщившись Святых Таин, я почувствовал себя совершенно свободным от прежней тоски, и мне было радостно и спокойно. И воистину великое это таинство для верных христиан, через которое мы примиряемся с Богом. Господь наш, Иисус Христос, передавая это таинство и духовную власть Апостолам, изрёк: *«Передаю вам власть сию; и аще свяжите на земли, связано будет на небеси, и аще разрешите на земли, разрешено будут на небеси»²⁶*, – и ещё: *«Слушай вас Мене слушает, отменяя вас Мене отменяется»²⁷*. Апостолы передали эту власть своим восприемникам, то есть епископам, а епископы передают священникам. И через священнослужителей благодать

действует на приносящих раскаяние в своих грехах перед духовником. А перед Своим страданием Господь преломил хлеб и подал ученикам со словами: *Примите, ядите, сие есть тело Мое я же за вас ломимое во оставление грехов²⁸* – и подавая чашу с вином, сказал: *Пийте от нея еси, сие есть кровь Моя нового завета, я же за вы и за многия изливаемая во оставление грехов²⁹*, – и ещё: *Ядый мою плоть и пийй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем. Аз есмь дверь: Мною аще кто внидет, спасется, и внидет, и изыдет, и пажитъ обрящет³⁰*. И счастлив тот человек, который неуклонно держится веры Христовой. Писание говорит: *Веруяй в Мя жив будет и не узрит смерти³¹* И ещё: *Уклоняйся от зла и сотвори благо³²*. И я подумал: чтобы уклониться от зла, я должен оставить прельщающий Батум. Так и сделал, и поступил в Драндовский монастырь. В нём я прожил три года. Но меня не удовлетворяла монастырская жизнь. Там те же заботы по хозяйству и связь с миром. А по уставу монастырскому я должен всё безотказно исполнять, хотя бы посылали куда в город на подворье. Ведь многие монастыри имели в городах свои подворья и посылали туда иных на послушанье, не разбираясь с нравом человека, и этим сгубили немало людей. И вздумал я идти в пустыню оплакивать свои беззакония. И вот, как видишь, ныне живу в этой пустыни. Рассказал я тебе это, брат, в обличение своё и на пользу для тебя.

Отец Онисим опустил голову и замолчал. Потом сказал мне:

– Давай, брат, помолимся.

И мы стали на молитву. Но вдруг отец Онисим вздрогнул и перекрестился. Меня это заинтересовало, и я после молитвы спросил его, извиняясь:

– Прости, отче, мою дерзость, но ответь ради Бога: отчего ты во время молитвы так сильно вздрогнул?

– Не хотел бы я об этом никому говорить, но за твою просьбу расскажу. Стоя на молитве, я вспомнил одно страшное бывшее мне видение и от этого вздрогнул. А было так: однажды сидел я в келье и нашли на меня нечистые помыслы. Мне представлялись те личности, с которыми я когда-то был в скверном содружестве: то их блудные песни, то танцы и ласки, то мигание чёрных глаз, то роскошные столы с вином и различными закусками, то музыка ревела, и молодёжь обоего пола в опьянении кружилась. И много разных картин мне лезло в голову, и я не мог ничем отбиться: ни крестом, ни молитвой. Знать Бог попустил за мною нерадивую жизнь. В таком борении пал я на землю и лежал лицом вниз, только взывал: «Господи, спаси! Господи, помилуй!» Буря помыслов немного утихла, и я поднялся. У меня в голове гудело, словно от угара, и

подумал я: дай-ка пройдуся немного по воздуху на дворе, не пройдёт ли этот угар бесовский из головы. Вышел я из кельи и поднялся на полянку, которая находится над нашей кельей. И вдруг перед моими глазами появилось страшной высоты чудовище, имевшее вид существа женского пола. ...³³) Оно испускало гной и невыносимый смрад. И слышу, это чудовище говорит женским гласом: «Иди ко мне и насладимся с тобой похоти». Я от страха и смрада упал на землю, но успел перекреститься. Лежал долго со сжатыми глазами, потом посмотрел на это место, но уже чудовища не было, а смрад разливался. Испытав потрясение, я возвратился в свою келью и стал на молитву. И теперь, вспоминая это зрелище, я прихожу в трепет. Вот, брат, причина, почему я вздрогнул во время молитвы.

Рассказом отца Онисима о его видении я был весьма удивлён и опять спросил его:

– Скажи мне, отче, чем отличается бесовское зловоние от естественного зловония?

– Бесовское зловоние тем можно отличить от естественного зловония, что оно потрясает все душевные чувства, делает ум и сердце смущёнными, немирными и тяжёлыми, и омрачает все силы души. А естественное зловоние бывает неприятно только чувству обоняния, а ум и сердце остаются при этом спокойны и мирны. Я тебе расскажу ещё один случай. Однажды мне случилось быть в Сибири, в Якутской области, и пришлось мне ночевать у одного язычника. Он оказал мне весьма радушный приём, и чтобы показать ещё большее уважение ко мне, решил поместить меня для ночлега в своей внутренней комнате, которая была его моленной. Когда я вошёл в эту комнату, то увидел множество разного рода статуй, стоявших вдоль стен. Здесь были статуи и большие, и маленькие, деревянные, каменные и металлические разных видов. Перед ними горели светильники, то есть маленькие лампадки, от которых в комнате царил полумрачный свет. Хозяин обратился ко мне, указывая рукой на статульки и говоря ломаным русским языком, который с трудом можно было понять: «Молис, молис!» Потом повернулся в угол комнаты и указал рукой на узенькую койку, которая была покрыта красивым ковриком, а в изголовье лежала подушка, и сказал: «Спити, спити». Поклонясь мне, он вышел вон. Я остался один и, помолвившись Господу Богу, совершенно спокойно улёгся на койке, размышляя о заблуждении разумной твари, сотворённой Богом по образу и по подобию Своему и блуждающей вне истинного познания пути Христова. Эти мои размышления были прерваны каким-то необычным шумом, исходящим от статуй. Я обернулся на статуи и увидел:

одна, самая большая из них, шатается и вот-вот упадёт, потом остановилась. А через минуту вся комната наполнилась страшным зловонием, и я, задыхаясь, метался из угла в угол по всей комнате. Но мне некуда было уйти – будить хозяина страшно не хотелось. Это зловоние было невыразимо отвратительно, я и не мог представить себе, чтобы на земле было бы зловоние, подобное этому. На душе гнездились страшно неприятное чувство, сердце трепетало и ум был смущён. Но была твёрдая и непоколебимая надежда на Бога. Я произнёс молитву и оградил себя крестным знаменем. Когда же я прочёл молитву Богородице: *Взбранной Воеводе, победительная...* – то почувствовал какую-то струйку благоухающего воздуха, который разлился по всем моим членам; сердце моё исполнилось радости и веселия, душа моя успокоилась, и я возблагодарил Бога и Пречистую Богородицу за таковую Её помощь, оказанную мне, грешному. Затем я осмелился осмотреть тщательно шатавшуюся статую, чтобы убедиться, что это не дело рук хозяина. Но нет, статуя стояла на полке, и я смог её поднять и рассмотреть. И признал я, что это не иначе как сатана колебал её, и он же испустил свой смрад. Вот, брат, таков бесовский смрад, отвратительный и смутительный! А благодатное благоухание – приятное и мирное.

Этот рассказ отца Онисима был для меня весьма назидателен.

Прожил я с ним три месяца и крайне ослабел от воздержания и бдения без сна.

Отец Онисим, видя мою слабость, сказал мне:

– Ты, брат, я вижу, ослабел.

– Да, отче, чувствую слабость.

– Ну, не скорби: когда немоществует тело, душа бодра бывает. Ты сходи в Ажары поговорить, помолимся Господу, и Он всё устроит на пользу.

Я так и поступил, пошёл в селение поговорить. Там встретил я своего первого знакомого, отца Иосифа. Увидев его, я весьма обрадовался, а он начал меня расспрашивать, как я живу у отца Онисима и не скорблю ли, отметил, что я очень похудел. Я ему рассказал, что у нас есть нечего, кроме кукурузной муки, да и той нет досыта; что келейка тесна для двоих, а вот-вот зима. А он и говорит мне:

– А ты не боишься жить один?

– Раз пошёл я в пустыню, то надо просить Бога, чтобы не бояться.

– Ну, вот, брат, здесь один отец переходит на другое место. Надо его спросить, не уступит ли он тебе свою келью. Если хочешь, я поговорю с ним насчёт тебя.

Я был весьма рад такому случаю и спросил, где можно увидеть этого

отца.

– Он сейчас дома, а келья его вон на той горе, в трёх вестах от церкви, – и отец Иосиф указал рукой.

Я попросил, чтобы он пошёл со мной к этому отцу. Он согласился и говорит:

– Хорошо, пойдём после обедни.

И вот ударили в маленький колокол, и мы пошли в церковь. Началась литургия. Собралось человек двадцать мирян и человек пять монахов-отшельников, живших окрест Ажар. Приобщившись Святых Таин, мы с отцом Иосифом отправились к монаху с просьбой о келье. Пришлось подыматься на довольно крутую гору, поросшую красивым сосновым лесом. На склоне этой горы, на небольшом уступе, была расчищена от леса полянка, на которой стояла маленькая келейка. Увидя её, отец Иосиф сказал: «Вот и келья отца Моисея». Подойдя ближе к ней, мы сотворили молитву и услышали ответ: «Аминь». Заскрипели двери, и к нам вышел отец Моисей. На наше приветствие он ласково пригласил нас зайти в помещение. Его келья была такая маленькая, что мне, казалось, более трёх человек она не могла бы и вместить. Кое-как уселись мы на отрезанных от дерева чурбачках вместо скамеек. Поговорив немного с нами, отец Моисей стал беспокоиться, чем бы угостить нас. Но чем же может больше пустынный угодать, как не тем, что растёт у него на огороде? Так и отец Моисей угощал нас искусно приготовленным обедом из своих овощей. Здесь были и варёная фасоль, и каша из сладкой тыквы, и мамалыга из кукурузной муки. Всего было подано вволю, и мне после своей обычной трапезы с отцом Онисимом казалось, что я сижу за царским обедом. Во время трапезы, к моему удивлению, меж нами сохранилось глубокое молчание. Молчали отцы, молчал и я, хотя мне хотелось спросить о келье. После трапезы отец Иосиф обратился к отцу Моисею, говоря:

– Мы к тебе пришли с просьбой. Ты ведь, кажется, думаешь переходить на другое место?

– Да, думаю.

– Так уступи этому брату свою келейку.

Моисей посмотрел на меня и спросил:

– А откуда этот брат?

– Он живёт с Онисимом.

Моисей обратился ко мне:

– Так зачем же ты уходишь от отца Онисима? Одному ведь трудно жить, особенно молодому. Хотя здесь и недалеко посёлок, но зимою завалит снег месяца на два, и тебя может уныние замучить, а также

налягут разные помыслы. Это в особенности бывает зимою, когда выйти невозможно, и никого близкого нет, а сатана так и ждёт удобного случая, чтобы сделать душу своей добычей. Я расскажу вам один случай, бывший на этом самом месте, – и он показал рукой, – вон в конце огорода на том уступчике стояла келья. В ней жил иеромонах по имени Михаил. Он был с этой жизнью незнаком. Однажды зимой, когда был страшно глубокий снег, на него напали разные помыслы. Ему представлялось, что лучше идти в мир и спасти других, а не то идти в монастырь, только не жить в этой пустыни. Ему казалось, что эта жизнь бесполезна, что он напрасно подьмет такие труды, что он будет стар и не сможет понести труда в этой пустыни. И многое другое лезло ему в голову, но он противился помыслам, хотя и с трудом. Вдруг видит он перед собой светлого окрылённого юношу, который говорит ему: «Радуйся! Я послан от Бога, утешить тебя в твоей скорби, потому что ты велик пред Богом. Поклонись мне, потому что я твой покровитель». Прежде этого явления, как я говорил, отец Михаил был объят разного рода мыслями и, находясь словно в угаре, не уразумел прелести сатанинской. Он забыл, что и сатана может для погибели человеческой преобразиться в ангела света, и пал на колени и поклонился ему. И вдруг, ему представилось, что его келья затряслась и стены развалились. Он в испуге бросился бежать с горы, но снег был так глубок, что он понял, что находится между жизнью и смертью. Отойдя от кельи сажен двести вниз, он почувствовал некоторое просветление ума, начал размышлять над тем, что с ним случилось, и давай, сидя на снегу, со слезами просить у Бога помощи. Долго молился он Богу с плачем и уразумел, что всё это было бесовское наваждение. Отец Михаил решил подняться обратно на гору. Из-за глубокого снега ему пришлось идти очень долго. Когда он вышел на свою поляну, то с удивлением увидел свою келью невредимой. Перекрестясь трепетной рукой, он вошёл в неё весьма измученный своим путешествием. Этот отец Михаил сам рассказывал мне своё искушение. И он, бедный, всё же не смог жить в пустыни и ушёл в монастырь, где много братии, потому что там таких искушений не может быть. Там искушаются больше друг от друга то осуждением, то гневом, то злобой, то завистью. Эти искушения от людей, но причиняются, конечно, сатаной, потому что он везде старается расставлять свои сети, которые могут избежать одни только смиренномудрые.

И отец Моисей обратился ко мне со словами:

– Так вот, брат, таковы бывают искушения для неопытных подвижников в пустыни.

Но я чуть ли не со слезами стал рассказывать неудобство жизни у отца Онисима: что я его стеснил, и что есть нечего, и что келья маленькая для двоих. Тут и отец Иосиф поддержал меня, говоря Моисею:

– Ничего, что он молодой, уступи ему келью, он будет просить Бога, чтобы Он ему не попустил впасть в какое зло, и за тебя будет молиться.

Отец Моисей пристально посмотрел на меня и говорит:

– Ладно, отдам тебе свою келью, и с нею картошки пудов десять, и тыквы, и капуста остаётся тебе, однако, брат, если имеешь сколько-нибудь денег, то дай мне на моё переселение, а тебе-де останется келья с овощами.

– Да, отче, у меня есть пять рублей, которые я берёг на зиму на хлеб, вот я Вам их и отдам.

Но он всех денег брать не хотел, однако я его принудил, чтобы он всё взял всю сумму. Получив обещание, что келья будет моя, и распростившись с отцами, я пошёл к отцу Онисиму сказать о своём переселении. Я шёл и думал, как бы устроить так, чтобы было на пользу душе моей, зная отлично изречения Святых отцов: *Горе единому: аще падет, кто восставит его?*³⁴ Да и Господь говорит: *...где два или три во имя Моё, там и Я посреди их*³⁵. И Давид, пророк, пишет: *...что добро или что красно, но еже житии братии вкупе*³⁶. *И возложил я печаль свою на Бога*³⁷. В размышлении о своей новой жизни, я не заметил кельи отца Онисима. Я встретил его весьма радостным и весёлым. Посидев, мы начали обсуждать, как мне устроиться в новой келье. На другой день рано утром я распрощался с отцом Онисимом и к обеду был уже у отца Моисея. В тот же день отец Моисей отдал мне свою келью, а сам удалился на своё новое место. В одиночестве я приготовился к безмолвию.

Глава 4. Встреча с отцом Иларионом

Пожив на новом месте около месяца, я подумал: надо бы найти себе старца или опытного брата, с которым бы я мог советоваться. Всё же вдвоём будет легче разбираться в разных недоумениях и уразумевать козни врага, которые он так тонко строит для нас. Отец Онисим пожелал наложить на себя крайнее молчание и отказался быть моим наставником и собеседником. Я почувствовал себя одиноким, начал было впадать уныние, то есть переживать скуку. Мне пришла мысль сходить в монастырь, в Новый Афон, дабы разогнать это уныние. Но я решил лучше побродить по горам, которые всё время меня очаровывали своей красотой. Настала осень, стояла отличная сухая погода, и я решил воспользоваться столь благоприятной возможностью для путешествия по горам и с небольшим запасом провизии отправился вглубь хребтов. Шёл я с такой радостью, с какой идёт путник, возвращающийся из дальнего путешествия в свой родной дом. Насколько эти скалистые хребты казались мне лучше шумных городов! Там господствует неправда, стонет обидимый, почти не найти любви. А здесь, у этих угрюмых скал, я, юный инок, был принят с любовью: прохладные струи потоков утоляли мою жажду; своими навесами скалы были готовы укрыть от дождя и бури, как укрывали многих путников. Я удивлялся, почему люди стали так недружелюбны, хуже этих бездушных скал? Размышляя так, я подымался всё выше и выше, пока не достиг вершины хребта. Открылась чудная картина: внизу виднелось разнолесье, повыше – горделивые пихты, направо среди пихт – долина, где паслось стадо баранов. Выше, под вершинами гор, увидел я летевшую стаю куропаток, а мимо меня однажды стремительно промчался олень, и от быстроты бега его рога только мелькали. Задумчиво стояли утёсы и свысока глядели на безмолвие окружающей их природы. На северном склоне хребта виднелся ледник с вечными снегами. Он казался и недружелюбным, и холодным, не способным дать приют. Он был подобен бесчеловечному злодею, которому чужда любовь, пока сердце его не согрело солнце благодати.

Так сидел я на вершине скалистого хребта, а ум мой словно был унесён куда-то ввысь. Я ясно видел в природе премудрость Создателя. Внезапный крик снизу горы прервал мои размышления. Вскоре послышался выстрел. И вдруг мне навстречу выбежал окровавленный медведь. Я в испуге прижался к дереву, уступая дорогу. Я огадался, что он был ранен охотником и мог броситься на меня. Медведь пробежал мимо

меня весь израненный. Мне стало жалко его, и подумал я: сколь же несчастен ты, человек, если из-за тебя и зверям на земле стало трудно жить. Спустившись ниже, в густоту пихт, я услышал стон и какое-то непонятное бормотание. Подойдя ближе, я увидел человека с израненным лицом. Увидев меня, он обрадовался. Это был сванет, который жил за Ажарами под перевалом. На мои расспросы, что с ним случилось, он, довольно ясно объясняясь по-русски, поведал, как на него бросился медведь.

– Увидел я медведя и думаю: ух, какой шуба хорош. И начал стрилит. Ружо мой не дал пуля (осечка), а медведь бросился на меня. Я громко крикнул и другой раз стрилит. Пуля пошёл мима, а медведь быстро бросился мне на грудь. И я этим ножом, – он показал мне нож, – нанёс ему несколько ран, но зато он мне лапой ободрал всё лицо, спасибо, глаз не повредил.

Я достал из мешка полотенце и кое-как перевязал сванету раны. Затем мы спустились немного вниз, а поскольку время было позднее, то мы остановились под ветвистой пихтой на ночлег. Всё это случилось в верховье реки Клыч³⁸, которая берёт начало на Клухорском перевале³⁹. Моему сванету хотя, видно, и больно было после схватки с медведем, но он держался весьма весёлым и о многом меня расспрашивал. И я также его порасспросил, нет ли в горах хорошего места, где можно жить человеку, чтобы делать посева и земля могла бы родить, и чтобы это место было малодоступно для людей. Он и отвечает:

– Мест много есть, но охотники кое-когда будут заходить, а пастухов там никогда не бывает. А вот я знаю, два монаха живут за этим перевалом, там у них капуста и картофель только и родятся.

Я обрадовался этакому известию и попросил сванета объяснить, как их найти. Он сообщил, что до них всего полтора дня ходьбы отсюда, а как найти их – он мне расскажет, и я свободно найду. И он начал подробный рассказ:

– Перейдёшь перевал на ту сторону, и там будет бездна. Пройди по дороге ещё пятнадцать вёрст вниз и там будет старая будка. Не доходя до неё, подымайся вправо на гору, несмотря на то, что будет трудно и не видно никакой тропы. Иди в гору, и ты выйдешь на равнину. Вправо и влево не держи, потому что там будут страшные обрывы. А когда выйдешь на равнину, то немного держи влево и увидишь маленький домик; там живёт молодой монах. Немного дальше живёт старый монах.

Этим сванет закончил своё объяснение и вскоре сладко захрапел. А мне почему-то не спалось. Я возился около огня, подправляя дрова, дабы

костёр не затух. А сам думаю: вот бы сходить к этим монахам! Ладно, завтра решу, утро вечера мудренее. Наконец, от усталости заснул и я. Проспали мы до самого утра, а когда встали, мой новый знакомец спросил:

– Ну, куда теперь пойдёшь?

Я отвечал, что пойду к монахам, про которых он мне рассказал. Сванет же сообщил:

– А я пойду домой, у меня лицо болит.

И, распрощавшись, стал быстро спускаться вниз. Я же, прочитав утренние молитвы, стал подниматься на перевал. В этот день я легко перешёл его, а на другой день в обеденное время уже начал подыматься к равнине, где жили монахи, помня указания сванета. Всё шло так удачно, что я даже удивлялся: я поднялся на весьма крутую гору, надо мной высился обрывистый утёс, а под ним была небольшая равнина, заросшая сосновым лесом. Пройдя немного вперёд, я увидел маленькую келейку. Присев немного отдохнуть, я потом приблизился к дому и сотворил молитву, на которую услышал: «Аминь. Заходите!» Я вошёл и, помолившись, приветствовал хозяина. Это был молодой монах среднего роста с благообразным лицом. Он подал мне маленькую скамейку со словами:

– Садись, брат, видно, ты устал, пока влез на нашу гору.

– Да, отче, немного устал, я уже пятый день как в дороге.

А он, смотря на меня, спрашивает:

– Откуда ты, брат?

– Я из Ажар.

– Из Ажар? Там у меня много отцов знакомых, я там был в прошлом году, а тебя что-то не заметил. Ты давно там живёшь?

– Нет, отче, я живу там только пятый месяц.

– Ас кем ты живёшь?

– Пока, отче, один, а ещё месяца полтора назад жил с отцом Онисимом.

Он как бы с удивлением повторил:

– С Онисимом? Это на Брамбе. Да-да, он мне тоже знаком, он два года тому назад приходил к нам сюда и долго беседовал с моим старцем Иларионом.

Из этих слов я узнал, что старца молодого монаха звать Иларионом, и я спросил:

– А далеко Ваш старец живёт?

– Нет, недалеко, в сажнях ста от моей кельи. Если желаешь, завтра сходим к нему, а сегодня уже поздно, ночуй у меня.

И правда, было уже к вечеру. Монах предложил:

– Знаешь, брат, у меня есть пока немного варёной пищи, ты подкрепишься с дороги, а когда прочитаем вечерню – наварим чего-нибудь свеженького.

И он поставил на стол варёной картошки с капустой. Я немного перекусил, и спустя полчаса мы прочитали вечерню. Мой хозяин сварил ужин из тех же знаменитых капусты и картофеля и, поев, мы долго беседовали с ним о разном. Он был поделчив словом и всё расспрашивал меня, где я жил в монастыре и как меня звать. И я его тоже просил назвать себя, на что он открыл мне, что зовут его Венедикт. Мы выяснили в беседе, что были почти ровесники, он оказался лишь на год старше меня. За короткое время мы сошлись с ним так, будто были уже давно знакомы. Назавтра я стал просить, чтобы он меня отвёл к своему старцу, ибо я очень хотел спросить, как мне начинать жить в пустыни. Отец Венедикт же сказал мне:

– Ладно, я пока схожу к нему один, а ты посиди в келье.

И он ушёл к старцу, а я остался в келье и стал молиться: «Господи, внуши старцу, чтобы он меня принял и сказал слово для жизни моей – мне на пользу». Прошло около часа, отец Венедикт вернулся от старца и сказал:

– Старец велел тебе прийти к нему.

И он проводил меня до кельи старца, а сам возвратился обратно. Подойдя ближе к келье, я сотворил молитву и услышал: «Аминь. Зайди!» Я вошёл в келью, и старец велел мне прочесть песнь Богородице «Достойно есть». По прочтении молитвы он велел мне сесть, подсунув какой-то чурбачок. Я уселся и окинул его взглядом. Это был старец лет пятидесяти пяти, среднего роста, плотного телосложения с полукруглым лицом и окладистой небольшой чёрной с проседью бородой. Я стеснялся начать разговор первым и ожидал, пока он сам начнёт его. Немного помолчав, он начал расспрашивать, где я живу и что меня побудило к ним прийти. Я всё подробно рассказал: что только начинаю эту жизнь, и что меня беспокоят помыслы о том, что я живу один и ищу себе старца, которому мог бы открывать душу. Сказал я ему, что это моё положение и побудило прийти к Вам, батюшка. Он пристально на меня посмотрел да и говорит:

– Рассуждения твои, брат, правильны, юным весьма опасно в одиночестве проводить пустынную жизнь, а наипаче без совета опытного человека. Те, которые, дерзнули понадеяться только на свои суждения и проводить эту жизнь самочинно, крайне ошиблись. На моей памяти уж

много юных пустынножителей пострадало.

– Ну, а как, батюшка, мне поступить с собой? Я живу в пустыни недавно, и знакомых-то у меня почти и нет.

– А вблизи тебя есть ли кто-нибудь?

– Выше меня живут двое, но я ещё с ними не познакомился.

– Да, излишних и не советую тебе иметь знакомых, потому что у каждого свой нрав и своё устройство жизни. А ты лучше постарайся иметь одного – или старца или брата, который мог бы тебе послужить в деле твоего спасения, потому что нет ничего труднее, как одному разбираться в разных помыслах. Я вот, слава Богу, пожил уже столько лет в молитве, а и то, бывает, иногда, нужно объясниться с тем, от кого чувствуешь пользу. Ну, а в крайнем случае, если бывает, что собеседник твой живёт где-то в стороне, или же нет возможности побеседовать с ним, а тут возникла нужда разрешить какие-либо недоумения, то в таком случае можно объясниться с таким братом, который одного с тобой пути, хотя бы и был моложе тебя или вовсе простец. В этом не сомневайся. Бог за твоё смирение откроет ему, что сказать тебе на пользу. Мы видим из житий Святых, что и они иногда спрашивали своих учеников, как им поступить. Вспомним святого Антония Великого⁴⁰, он был муж святой и совершенный и не имел недостатка в рассуждении. Но когда его позвал к себе один знатный вельможа, то он, размышляя не то идти, не то остаться в безмолвной пустыни, решил спросить об этом своего ученика. Ученик ответил: «Если пойдёшь, будешь Антоний, если не пойдёшь – будешь Авва Антоний». И Антоний решил, что лучше остаться в пустыни. Так этот великий муж показал нам образ смирения, чтобы и мы не полагались только на своё рассуждение, не впали в самообольщение на посмешище врагу. Ибо наше Я – ничто, и говорящий «я знаю и не могу ошибиться» уже ошибся и положил этим мнением о себе начало впадения в прелесть. Говорю это тебе, брат, для твоей пользы, чтобы ты никогда не полагался только на свои рассуждения и тогда возможно избежать гордости и прелести бесовской, в которую впадают высоко мнящие о себе.

– Скажи, батюшка, как избавиться от приходящих помыслов всякого рода.

– Человеку избавиться от помыслов невозможно. Как нельзя удержать ветер, чтобы он не дул, так нельзя избежать рождающихся мыслей. Но мы можем противиться ветру и защититься от него разными способами; так и помыслам мы можем противиться и защититься от них, особенно с помощью молитвы и призывания имени Иисусова. Тогда помыслы не могут пленять человека, а без этого способа невозможно избавиться от

пленения. Многие иногда хотели противостать своим помыслам помимо призывания имени Христова, они надеялись только на своё рассуждение и только своими усилиями пытались сопротивляться борющимся их мыслями. Но они понесли только лишние труды и нанесли себе вред, потому что от напряжения мозговых нервов часто случается головная боль, а помыслы всё не оставляют. Такой человек легко расстраивается и приходит в уныние, потому что не видит пользы от своих трудов. А кто не надеется на свои усилия, а больше возлагает надежду на Господа, призывая имя Его святое, тот без труда одерживает победу над всякими пленяющими его помыслами. Так и ты, брат, старайся избавиться от помыслов не столько своими усилиями, сколько милосердием Божиим через призывание сладчайшего имени Иисуса Христа, старайся непрестанно произносить в уме и сердце своём так: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного.* А иногда употребляй сии слова: *Пресвятая Богородице, спаси мя, грешного.* И ты увидишь, как от тебя исчезнут пленяющие тебя мысли, потому что молитва есть огонь поядающий, как и Лествичник говорит в своём Слове о молитве: *Не оставляй молитвы, пока не увидишь, что огонь ее и вода слез промыслительно не отошли от тебя; может быть во всю жизнь твою не получишь такого времени для прощения грехов.* Он же говорит: *Пса сего, приходящего к тебе (то есть мысли, приносимые бесом), отгоняй оружием молитвы, и сколько бы этот пёс не напал на тебя, не уступай ему*⁴¹. Так вот, брат, святые отцы не указали ни на какие способы, кроме молитвы, смирения и послушания. Этим способом *просьба приемлет, ищет обретает и толкующему отверзается*⁴². И всякий, поступая так, от помыслов спасается и от плена мыслей свободен бывает. Так и ты, брат, поступай, и Господь тебе поможет одержать победу над всякого рода помыслами. А всё твоё старание да будет посвящено только ревности в молитве к Богу.

Видя, что старец прост сердцем и податлив на вопросы, я спросил его о сновидениях, так как мне приходилось видеть во сне разные откровения. Я и говорю ему:

– Батюшка, можно ли доверять снам, или лучше их оставить без последствий?

– Я думаю, что лучше оставить их без внимания, и мы этим не будем виновны пред Богом. Хотя бы сон был правдив и непогрешим, но мы во избежание прелести бесовской не будем верить снам. Бесы могут показывать во сне и сущую правду; например, что в таком-то городе случился пожар, или даже могут предсказать о будущем, как о войне или потере какой-нибудь прибыли и тому подобное. Этим они приводят

неопытных к самомнению и внушают им, что Бог открывает им это за их благочестие. Всё это ведёт к гибели тех, кто верит снам. Бес, как дух, легко может заключать по обстоятельствам положения и времени о будущем. Тщеславных бесы делают прозорливцами и пророками, а те, кто не обращает внимания ни на какие сны, пред теми бесы постоянно оказываются лжецами. Но надо помнить, что демоны не могут знать будущего по предведению, а если бы они это знали, то и чародеи, и разные маги, и оккультисты могли бы предсказывать смерть других. Однако демонам и их служителям Бог не позволяет проникать в судьбы Свои, от них скрыт суд Божий. Они могут предсказывать, лишь догадываясь по обстоятельствам. Итак, брат, доверяющийся снам, нередко бывает посмешищем демонов. Преподобный Кассиан Римлянин⁴³ повествует о некоем иноке, уроженце месопотамском, что он проводил самую уединённую и постническую жизнь, но погиб от обольщения бесовскими сновидениями. Демоны, усмотрев, что инок обращал мало внимания на своё духовное развитие, а устремил всё своё внимание на телесный подвиг, и дал ему, а следовательно и себе, цену, начали представлять ему сновидения, которые по злохитрости бесовской сбывались на самом деле. Когда инок стао доверять своим сновидениям, то диавол представил ему в великолепном сновидении иудеев, наслаждающимися небесным блаженством, а христиан – томимыми в адских муках. При этом демон, разумеется, в виде ангела или какого-то ветхозаветного праведника дал совет иноку принять иудейство для получения возможности принять участие в блаженстве иудеев, что этот несчастный инок, прельщённый сновидениями без малейшего промедления и исполнил. Так вот, брат, какие пагубные последствия ожидают тех, которые доверяют сновидениям. Но скажу тебе и то, что иногда бывают сны от Бога. Это случается при крайних обстоятельствах. И больше праведным мужам, но иногда и грешным, по смотрению Божию. Им бывает показана кончина их жизни или адские муки, или грозный присмертный и загробный суд. Это показывается нам для того, чтобы мы положили начало исправлению нашей жизни. Но если такие сны приводят нас в отчаяние и великое смущение, то и эти сны не от Бога, а от беса. От Бога – мир, умиление, крайняя решимость исправить свою жизнь и полная надежда на милосердие Божие. При таком настроении после сна мы и должны разбираться, откуда этот сон, от Ангела ли нашего хранителя, или от демона, душ человеческих губителя. Так вот, брат, лучше быть недоверчивым к снам, иначе по неопытности ты примешь вместо своего благодетеля душе пагубного демона, души твоей губителя. Потому, что у

дьявола всё стремление к тому, как бы кого чем-либо погубить.

Старец замолчал. Вдруг на лице его отразилось какое-то удивление, как будто он увидел что-то необычное. И, повернувшись к иконе Божьей Матери со словами «Пресвятая Богородице, спаси нас», он набожно перекрестился. Потом он обратился ко мне с такими словами:

– Вот, брат, ты только что начинаешь вступать в борьбу с демоном и с плотью естества своего. Так знай наперёд: что бы с тобой ни случилось хорошего, не тщеславься и не гордись, или худого – то не отчаивайся и не малодушествуй. Бог всё строит нам на пользу, и мы, как воины, должны сражаться на поле брани до последней капли крови. Увидав врага своего, мы не должны оставлять оружие и предаваться бегству, дабы не стать посмешищем для врагов. И Господь нам говорит во святом Евангелии: *Взявшийся за рало да не возвратится вспять*⁴⁴. Он нас призывает так: *Придите ко Мне еси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы*⁴⁵ и опять утешает так: *Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть*⁴⁶. Говорю тебе о брани духовной, которая значительно важнее телесной, это видно из самой жизни. Например, бывает, что воин земного царя много сражался и много одержал побед над неприятелем, и бывает от всех похваляем за такую храбрость и победы. Но в самой сущности этот храбрый победоносец нередко бывает жалким побежденным пленником. И кем он побеждается? Самой ничтожной своей страстью и похотью. Он в сражении убил многих воинов, подобных себе, а сам остался убит своими страстями. Воин Христов не таков должен быть. Он не должен убивать подобных себе человек, а должен скорее убить в себе всякую страсть и всякий порок. Только тогда он будет считаться победителем и похваляем Христом, ангелами и всеми Святыми, и велика слава будет ему на небеси. Подвизайся, брат, пока молод и есть сила, и Господь тебе поможет в деле спасения.

Я заметил, что провёл у старца уже значительное время, и, опасаясь, чтобы не стать ему в тягость, я поблагодарил за такую его отеческую любовь, поклонился и сказал:

– Я, батюшка, думаю завтра рано утром идти в Ажары в свою пустыньку, и потому прошу Вашего благословения и Ваших святых молитв.

Он сотворил молитву и велел мне лобызать Святой крест и икону Божией Матери и повторил:

– Да будет тебе Заступницей и Покровительницей Царица Небесная!

Потом вместе со мной старец пошёл к своему ученику. Подойдя к келье отца Венедикта, мы увидели что тот хлопотал о приготовлении

обеда. Через пять минут под сосной был накрыт стол, и отец Венедикт весело стал приглашать нас к обеду, обращаясь к старцу:

– Батюшка, читать молитву?

Старец сказал:

– Читай.

Ученик прочёл молитву, старец благословил, и мы уселись за смиренную трапезу. Она состояла из двух блюд: на первое была варёная капуста, а на второе – картошка с опёнками. Отобедав, старец пошёл в свою келью, а я попросил позволения переночевать ещё ночь. Отец Венедикт радушно сказал:

– Конечно, ночуй, куда сейчас пойдёшь, уже поздно.

И мы уселись под сосной, вновь беседа о разных вещах. Пред нами была высокая гора с обрывистыми утёсами. Вдруг раздался грохот от осыпавшихся камней, и затем мы увидели, что со страшной высоты падает какое-то животное. Мы сразу подошли поближе и увидели, что это был баран. Бедное животное лежало уже без дыхания. Видимо, несчастный сорвался со скалы. Было очень жалко смотреть на него. И тут же у меня родилась мысль, как мы, бедные грешники, уподоблённые этим козлам Самим Господом, часто срываемся с высоты нашей гордыни и летим в пропасть страстей. Козлу не нравится ходить по гладкому и ровному, он горделиво устремляется с быстротою на самые опасные стремнины. Так и грешник, не сознающий своей греховности, устремляется по непроходной дороге, а не по проложенному пути.

Постояв немного над этим сокрушённым животным, мы пошли по-над скалой. Я заметил в горе вбитые в трещины три колышка и спросил отца Венедикта, зачем они здесь вбиты? Он хотел, было, скрыть от меня, но потом сознался, что это он забил. Я его спросил:

– А на что ты, брат, забил эти колышки?

Отец Венедикт помолчал и показал на гору рукой:

– Вон тот куст выше колышков закрывает собою пещеру. Это любимое место моего старца, он часто приходит сюда и иногда просиживает чуть ли не сутки, пока я его не вытащу оттуда, чтобы он там не захватил ревматизма. На Кавказе пещеры сырые и в них не сложно заболеть таким ревматизмом, что останется на всю жизнь. Был уже не один такой случай.

Я его стал просить, чтобы он провёл меня в эту пещеру. Он посмотрел вокруг себя, как будто для того, чтобы убедиться, что никто не увидит нас, и говорит мне:

– Ну, иди за мною.

И сам стал подниматься, взявшись за колышек, торчащий в скале. В ней были также выбиты маленькие углубления, чтобы ставить ноги. Так, поднявшись саженей на двадцать, мы вылезли на какой-то маленький уступ, подобный карнизу, а выше ещё вертикально возвышалась скала саженей в двести высотой. Пройдя несколько шагов по карнизу, мы увидели в горе пещеру саженей две в ширину и три – в глубину. Отверстие пещеры было большое и потому в ней было довольно светло. Так что можно было свободно рассмотреть в ней каждый уголок. Налево было углубление в виде лежанки, а впереди был устроен маленький налойчик⁴⁷, перед ним находилась икона Страстей Христовых.

– Это, – сказал отец Венедикт, – я устроил для старца. Он на этом налое⁴⁸ читает акафист Страстей Христовых, когда бывает здесь.

В пещере было тихо и веяло каким-то спокойным отдыхом. Мне вспомнились прочитанные мною повести из житий Святых: многие из них спасались в пещерах и проводили самую суровую жизнь, неся многие труды, дабы покорить плоть духу. Святые твёрдо помнили слова Спасителя, что *плоть и кровь Царствия Божия не наследуют*⁴⁹ и через ревность и горячую веру они стали наследниками Царствия Божия. Я видел в себе такой ревности, какую имели Святые мужи, и хотелось мне об этом плакать, но я сдерживал себя в присутствия брата. Я спросил отца Венедикта:

– Как вы нашли эту пещеру?

Он ответил:

– Нам показал охотник-карачаец, а как он сам её нашёл – это он рассказывал так: «Я, будучи ещё мальчиком, охотился со своим отцом. Мы пришли на этот уступ и остановились здесь ночевать. Ночью мне вздумалось: дай буду молиться Аллаху, чтобы послал удачную охоту. Я обратился лицом к скале и вдруг увидел на том самом месте, где находилась пещера, необычайный свет. На меня напал какой-то страх. Я хотел, чтобы и отец увидел, но он крепко спал, и я не посмел его разбудить. Только утром я рассказал и показал отцу на то место, где был свет. И тут мы оба заметили там, на уступчике перед пещерою, дикого козла. Отец прицелился и выстрелил в него, и нам показалось, что козёл свалился вниз со скалы. Мы полезли с большим трудом в гору искать козла. А когда забрались наверх, то увидели пещеру. Козла же здесь не оказалось, и не было заметно никаких его следов. Осмотрев всё кругом, мы были весьма удивлены. Отец мой плюнул тогда и сказал: “Это шайтан, а не козёл”. И мы спустились обратно, а я назвал эту пещеру “пещерой Аллаха”. И поныне я питаю к ней особое уважение!»

Так передал мне отец Венедикт рассказ карачайца. Я же вроде шутки спросил:

– А что, брат, Венедикт, пожалуй, ночью в этой пещере было бы страшно?

Он усмехнулся и ответил так:

– Я и днём здесь один боюсь быть.

Я удивился и спросил:

– Почему боишься, разве тебе приходилось видеть здесь что-то страшное?

Отец Венедикт застенчиво замялся. Я заметил, что он что-то скрывает и начал его просить рассказать, если будет на пользу, а если бесполезное, то и не говорить. Увидя, что я искренне заинтересован, он говорит мне:

– Ну, я тебе расскажу историю, случившуюся со мной в этой пещере год тому назад. Я видел, как мой старец часто ходит в эту пещеру, и однажды, когда он куда-то уходил, я подумал: дай-ка пойду и помолюсь там. Придя в пещеру, я прочитал акафист Божией Матери, а потом стал тянуть чётку⁵⁰ Спасителю. День был туманный и мрачный. В пещере был полумрак. И вдруг мне видится, как будто две зажжённые свечи движутся из угла по земле. Я бросил тянуть чётку и давай всматриваться повнимательнее. И что же вижу? Ползёт змей, как крокодил, а глаза его горят как свечи. Я испугался, крикнул и бросил на него чётки, а сам выскочил вон из пещеры и едва не оборвался вниз со скалы. Так бы кости мои и рассыпались! Когда я вернулся в свою келью, я застал в ней своего старца. Он спросил меня, где я был. Я ему сказал, что был в пещере. Он, суви- дев, что я чем-то испуган, спросил: «Что с тобой? Что ты так взволнован?» Я ему всё подробно рассказал: как бросил чётку в змея, и теперь нет чётки. Он за это меня попенял: «Зачем, – говорит, – ты самочинно из кельи ходишь на сторону молиться? Разве тебе в келье надоело? За самочиние с тобой может всё случиться, и я тогда буду виновен перед Богом». Я просил у него прощения и обещал самочинно ничего не делать. Потом стал просить, чтобы как-нибудь сходить в пещеру за чёткой вдвоём. «Сегодня уже поздно, пойдём завтра», – сказал мне старец. И на другой день я опять стал просить, чтобы пойти в пещеру – выручить мою чётку. Я уж, было, совсем надоел этой просьбой старцу и он, наконец, сказал: «Пойдём». Когда мы пришли к пещере, у меня опять ноги затряслись от страха, и я говорю старцу: «Я боюсь, отче». – «Ну, если боишься, стой возле пещеры, я зайду сам». Он зашёл и тут же позвал меня: «Зайди, не бойся». Я зашёл, а он и говорит: «Вон твоя чётка, в углу лежит, возьми её». Я поднял чётки, а он говорит, показывая рукой на то место, где

они лежали: «Смотри, никакого змея здесь не было, вот на песке не заметно ни малейшего следа. Это тебе враг представил. Надо быть осторожным, потому что в этой пещере и со мной бывали кой-какие случаи». Я давай его просить рассказать мне, что ему случилось здесь видеть. Вот что он рассказал: «Я тоже однажды стоял на молитве и читал по обычаю акафист Страстям Христовым. Вдруг слышу, подле входа в пещеру какой-то топот. Обращаясь к иконе, я оградил себя крестным знаменем и тогда посмотрел назад и вижу: у входа стоит какой-то человек, похожий на карачайца, голова брита, бешмет красный. Я спросил его: “Что тебе надо?” А он в ответ: “Моя, моя, моя...” Я опять перекрестился и смотрю: этот человек стал отходить от пещеры задом, задом, взошёл на самый край отвеса и кричит: “Падаю!” А сам на меня смотрит пристально и протягивает руки, как бы хочет, чтобы я его кинулся спасать. Я догадался, что это не человек, а сатана, и сделал ещё крестное знамение. И вдруг вижу, как он оборвался с криком: “Ой, упал!” Я стал продолжать своё молитвословие. Довольно побыв в пещере, я спустился вниз и осмотрел то место, где упал мнимый человек. Там никого не было. Так вот, брат, сатана строил свои козни, чтобы я кинулся его спасать, а он бы меня низринул со скалы. Конечно, ему без такого попуска этого не удастся сделать, но и нам надо быть весьма осторожными. А неопытными и новоначальными он часто как игрушкой играет. И тебе я говорю: ты должен обо всём спрашивать меня, если ты меня считаешь своим старцем, и делать всё по благословению, а не самочинно. Такой путь показали нам прежде нас подвизавшиеся Святые отцы». Я поклонился старцу и обещал обо всём его спрашивать и слушать, что он велит мне делать.

Когда отец Венедикт закончил свой рассказ о случившемся с ним и его старцем в этой пещере, мы заметили, что наступает вечер и спустились вниз. Переночевав, я рано утром стал собираться домой, хотя, правду сказать, уходить от таких отцов не хотелось. Отец Венедикт пошёл спросить старца, позволит ли он ему проводить меня хотя бы немного. Старец благословил, и мы вдвоём спустились с горы, хотя я и просил, чтобы ради меня отец Венедикт не утруждал себя. Спустившись на дорогу, мы распрощались, и мой брат Венедикт полез обратно на гору, а я быстро зашагал к перевалу.

Глава 5. Жизнь старца Илариона

В этой главе я желаю изложить хотя бы вкратце жизнеописание старца Илариона. После моей первой встречи мне ещё много раз приходилось с ним встречаться и слышать поучительные беседы и душеспасительные наставления, а также рассказы о его жизни. И я решил слышанное от него последовательно изложить здесь, чтобы более мне не возвращаться к этой теме и не отвлекать читателя.

Отец Иларион (в миру Иоанн) родом был великорусе⁵¹, духовного звания. Мальчиком он учился в духовном училище, потом перешёл в семинарию. По рассказу его, не докончив одного класса семинарии, он решил избрать себе иноческий образ жизни. Но обстоятельства заставили пока его поступить учителем, и он потрудился два года в школе из-за некоторых мальчиков. Как он говорил, в учительстве пришлось ему выдержать немало испытаний. Это происходило от того, что мальчики эти происходили от родителей, которые совершенно ни во что не верили, и дети их были с почти непорочными нравами и поведением. Этот боящийся Бога юный учитель предпринимал самые лучшие меры, чтобы внушить и показать этим своим воспитанникам путь истинный, просвещённый учением Христовым. Но вот однажды самый развязный из мальчиков на глазах учителя напроказничал, и пришлось его наказать. На другой день пришёл отец этого мальчика и начал выговаривать учителю весьма сурово и даже непристойно. Кроткий учитель стал объяснять, что юным не будет в убыток, если их накажут за дерзкий поступок, что они могут увидеть пользу от этого, только придя в совершенный возраст. А пока они в юном возрасте, их можно уподобить молоденькой ветке, которую можно как угодно гнуть и выправлять, но если она состарится, то не так-то удобно бывает согнуть её, скорее поломаешь. Так бывает и с юными детьми, и надо знать, что мы за них дадим Богу ответ. Отец мальчика в ярости вспыхнул и громко закричал во всю глотку: «Какой там Бог, ты Его видел?» – и вдобавок обругался скверными словами. Набожный учитель, слыша богохульные слова, был весьма огорчён. Это столкновение с безбожником произвело тяжёлое впечатление на душу Иоанна, и ему пришли на память слова Спасителя: *Какая бо польза человеку, аще приобретает мир весь и отщепит душу свою?*⁵² Или по-русски: какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит? И он сал всё чаще и чаще размышлять, как бы ему скорее уйти из этого многосуетного мира. Дождавшись мая, он подал прошение об увольнении

со службы и вскоре получил положительный ответ. Он немедленно уехал на Старый Афон. Приехав туда, Иларион решил сначала обойти всю Афонскую гору и поклониться афонским святыням. Много он видел здесь монастырей, скитов, келий, калив, много видел пустынников, живших и поблизости и в удалении от обители. Но более всего ему запомнились пустытники, жившие на Каруле⁵³. Это был большой крутой утёс, спускающийся к морю и там обрывающийся отвесно в самое море. Над самым отвесом жили отшельники – кто под навесом какого-либо камня, кто сделал себе из камня маленькую каливу. (Каливой на Афоне называют хижину, где живёт один монах, и нет церкви). Так жило их там человек двенадцать. Понравилась такая жизнь Иоанну, и он подумал: «Дай спрошу какого-либо старца, не примет ли он меня жить к себе».

Сам отец Иларион так повествовал о том, как пришлось ему вступить на путь иночества и проходить первую ступень монашеского образа жизни:

– Увидев одного русского, видом весьма стара, стал я просить его, чтобы он принял меня к себе в ученики. На просьбу мою монах ответил: «Я сам, брат, под старцем живу и просьбы твоей исполнить не могу. А ты обратись к старцу нашему, и он тебе всё скажет, что тебе надо». – «А где я его могу взять?» – «Пойдём, я тебе покажу его каливу». Он повёл меня по краю страшного отвесного утёса, который обрывается в море, и предупредил: «Смотри, брат, иди осторожно и не гляди в пропасть, а то без привычки может сделаться дурно». Так прошли мы не больше сажени двухсот, но у меня всё тело обомлело, и пот градом катил, словно я двадцать вёрст прошёл. Наконец мы добрались до небольшого уступчика. Ну, думаю, слава Богу, жив остался. Мой монах заметил, что я так сомлел и спрашивает: «Что, брат, страшно идти над пропастью?» – «Да, отче, страшно». – «Ну, садись и передохни». Уже дошли до каливы старца. И мы присели. Отирая с лица пот, катившийся ручьём, я спросил монаха, нет ли удобней тропы? «Нет, брат, это самая лучшая». – «Так здесь можно сорваться вниз!» – «Да, тут уже были такие несчастные случаи». Потом мой путеводитель поднялся и, показывая рукой на скалу, сказал: «Вот, под скалой, калива старца. Подойдя к ней, скажи громко: “Благослови, отче!” – так у нас ему и объясни тогда, что тебе надо, а я пойду обратно домой». Я пошёл к старцу и поступил, как мне было велено. Слышу в ответ: «Бог благословит», – и вышел ко мне старец среднего роста, лет шестидесяти. Впоследствии я узнал, что родом он был болгарин. Он спросил меня: «Что тебе надо, брат?» Я ему объяснил всё подробно, что желаю быть монахом и что хотел бы жить так, как Вы живёте. Потом давай его просить, не

примет ли он меня к себе или не даст ли какой-либо совет. Он пристально на меня посмотрел и говорит: «Тебе ещё надобно пожить в монастыре, а потом будешь и пустынный, только не на Афоне. И при конце жизни твоей постигнут тебя великие скорби, но ты тогда не отчаивайся и не падай духом. Пока же поступай в Русско-Пантелеймоновский монастырь⁵⁴ там тебя примут. Когда будешь жить в монастыре, слушай, что будет тебе приказывать игумен, тогда Бог всё устроит, что тебе будет на пользу». Старец сказал мне ещё кое-что в наставление и отпустил меня. Я с трудом вылез из этой пропасти и направился в Пантелеймоновский монастырь. Погостив несколько времени, я решил идти проситься к игумену в общежитие. Игуменом в то время был Макарий, а старцем был Иероним. Они начали меня расспрашивать подробно, зачем я оставляю мир и его прелести; и, узнавши о моём решительном намерении переменить мирской образ жизни на иноческий, они меня приняли в число новоначальных послушников. Живу я не нарадуюсь свободе духа, хотя ни в чём не имею своей воли. Я старался изо всех сил делать только то, что повелел мне игумен, помня наставление карульского отшельника. В это время на Кавказе строился монастырь, названный Новый Афон. Прожил я на Старом Афоне несколько лет, и стали поговаривать, как бы меня послать на Кавказ на Новый Афон учителем для мальчиков-абхазцев, так как заботились об устройстве Ново-Афонского монастыря старцы Старо-Афонского Русско-Пантелеймоновского монастыря игумен Макарий и старец Иероним. Однажды призывает меня игумен Макарий и говорит: «Вот, брат, нужда великая в нашей новой обители, которую мы строим на Кавказе, в человеке, который мог бы исполнять должность учителя. Мы там построили школу для детей абхазцев, а учителя нет. Вот я прошу тебя: поезжай на Кавказ и потрудись на общую пользу России». Я ему ответил: «Как благословите, батюшка, так я и сделаю». Игумен сказал: «Спаси Господи тебя, брат, за твоё послушание. Тогда готовься к принятию мантии. Я желаю, чтобы ты был пострижен здесь на Старом Афоне». И вскоре облекли меня в мантию и назвали Ианнуарий. Две недели спустя после пострига я был отправлен в Россию на Кавказ в Новый Афон, где в то время строителем был иеромонах Иерон, впоследствии архимандрит. Он так же, как и я, был послан на послушание старцами Иеронимом и Макарием. Отец Иерон меня радушно принял. Новая обитель в то время была весьма неустроенна: кругом были заросли колючки, только над морем была расчищена маленькая полянка, на которой поставили небольшую полудеревянную церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы, а при ней небольшой корпусок с кельями для братии и

небольшая школа для мальчиков-абхазцев. Благодаря благоразумному строителю обитель стала быстро расти, всё более и более начала прибывать братия. Появились здесь и ревнители высших подвигов монашеской жизни, но, видя бесконечные заботы об устройстве новой обители, некоторые отцы начали вы ходить из обители в пустыню на безмолвие. Вокруг Нового Афона простираются высокие горы, благодаря своим зияющим пропастям труднодоступные для поселения мирских людей. В эти-то горы и начали удаляться некоторые наши отцы. Первым из таковых был отец Тит, а вторым – отец Иордан. Потрудившись в Новом Афоне довольно время, я увидел, что заботы и монастырская суета не могут дать полной беспопечительности и свободы духа. Я часто размышлял, не уйти ли мне от этой суеты, которая препятствует моему продвижению в духовности, как ушли мои друзья – отцы Тит и Иордан. Они часто приходили в монастырь, и я расспрашивал об их жизни в горах. По их рассказам они ни за что не поменяли бы свою жизнь на монастырскую. Хотя она и многотрудная, но зато дух мирен, так они мне постоянно отвечали. Я же им, бывало, говорил: «А я здесь всем обеспечен, и одеждой, и пищей, а мира нет». И я всё больше и больше склонялся к тому, чтобы и самому начать пустынноческую жизнь. Однажды я объяснился со своим духовником, но он мне сказал, что отец Иерон хочет меня представить архиерею и рукоположить в иеромонахи. Я положил для себя за принцип – ни за что не принимать иерейского сана. И вот однажды отец Иерон сказал, чтобы я готовился к иеромонашеству. Я наотрез отказался и вместо иеромонашества стал просить, чтобы он мне благословил принять великий ангельский образ, то есть великую схиму. Иерон, было, сперва никак не желал, чтобы я принимал схиму, но я неотступно просил его об этом, и только после многочисленных настойчивых просьб он, наконец, постриг меня в великий ангельский образ – схиму с именем Иларион. После принятия схимы я вскоре ушёл скитаться в пустынные горы.

Так закончил отец Иларион рассказ о своей жизни в монастыре.

По уходе в пустыню сначала проживал он близ монастыря на горе. Потом он заметил ропот на него игумена за то, что к нему начали ходить братия. Игумен опасался, чтобы ещё кто-нибудь не стал ревновать по пустыне и не покинул монастырь. Поэтому отец Иларион ушёл ещё дальше в горы, дабы из-за него не возбуждалось в ком-либо немирствие, и не быть ему нарушителем чужого мира. Он нашёл среди гор небольшую равнину на расстоянии двух дней ходу от монастыря, там сделал себе небольшую келью, в которой прожил три года в одиночестве. Через три

года посетил он свою обитель и встретил в ней тоже пришедшего из пустыни своего друга отца Иордана, жившего тогда на реке Мзымте.

В то время это место было весьма пустынное. Начали отец Иларион и отец Иордан расспрашивать, как кто в эти немногие годы разлуки подвизался и что переживал. Говорили обо всём. Наконец отец Иордан предложил отцу Илариону посетить его любимую пустыньку. Отец Иларион, заинтересовавшись рассказом отца Иордана о его пустыньке, решил отправиться с ним. Погостив в обители, они собрались было уходить, но отец Иларион сказал отцу Иордану:

– Надо ведь сходить к игумену проститься, а то ведь обидится наш Иерон, если так уйдём, он ведь также наш друг.

Отец Иордан руками замахал:

– Не хочу я к нему идти. Каждый раз у нас с ним спор выходит. Он всё гнёт к тому, чтобы я жил в монастыре и опутался суетой, связанной с этой стройкой, как он бедный. А я ему всё твержу одно: что не нужно мне строить эти величественные каменные храмины, мне достаточно заботы о постройке храмины души своей, которая должна служить мне вечно, а это всё рассыпется в прах вместе с телом нашим.

Тут отец Иордан опустил голову и стал о чём-то размышлять, отец Иларион поднялся с места и сказал:

– Ну, а я схожу. Хоть и поругаемся с ним, но, думаю, что после ругани ещё крепче друзья будем.

Отец Иордан поднял голову и говорит:

– Пожалуй, пойдём к нему вместе, двоих-то он не одолеет своей руганью.

И они отправились к игумену Иерону. Они застали его сидящим за письменным столом над чертежами монастырских построек. Увидав их, игумен оставил своё занятие и воскликнул:

– Вот и отцы пришли – пожалуйста, пожалуйста.

По обычаю они взяли у него благословение. Игумен весьма обрадовался их посещению и начал весело расспрашивать, как они живут в горах. Монахи поведали, как трудненько приходится учиться этой новой жизни. Отец Иордан возьми да скажи:

– Мы, батюшка, пришли с тобою проститься и взять у тебя благословение. Завтра рано уходим домой, уже у вас нагостились. Спаси вас Господи за вашу любовь, что вы нас ещё пока принимаете.

Тут отец Иерон слегка покраснел и говорит:

– А разве я когда-нибудь перестану вас принимать?

– Всё может случиться.

– Полно тебе, отец Иордан, вечно ты мне перечишь. Вот, например, говоришь: «Идём домой». А разве для тебя обитель уже стала чужая и уже не твой дом? Ты меня этим оскорбляешь.

На счастье начинавшийся между отцами новый спор прервал вход келейника, который вежливо приветствовал гостей поклоном и обратился к игумену:

– Батюшка, к Вам желает зайти инженер, который был вчера. Он говорит, что уезжает через час.

Отец Иерон наклонил голову с минуту что-то размышлял. Потом сказал келейнику:

– Скажи, пусть зайдёт. – И, обращаясь к своим собеседникам, попросил: – Отцы, посидите безмолвно, пока я с ним недолго кой о чём переговорю.

Вошёл инженер, и отец Иерон стал толковать с ним о чертежах и планах, предназначенных к постройке собора и корпусов, но никак не могли прийти к соглашению. Инженер запросил дорого, и наконец отец Иерон сказал ему на это: «Я сам сделаю все чертежи».

Инженер с удивлением посмотрел на отца Иерона и спросил:

– Разве вы знакомы с курсом строительного дела?

– Да, правду сказать, хотя я этому и не учился, а рискую сделать сам.

Инженер возразил ему:

– Смотрите, не ошибитесь. Вы предполагаете строить такие колоссальные здания и рискуете сами сделать все чертежи, не зная теории строительного дела. Этим вы можете нанести себе страшные убытки, и ошибки можно будет поправить лишь с великим трудом.

– Ну что же делать, коли у нас не найдётся той суммы, какую вы просите?!

Инженер пожал плечами, заметив:

– Вы гораздо больше потеряете в случае неудачи.

Но отец Иерон решительно возразил:

– Что Бог даст!

На этом инженер распрощался и ушёл, а отец Иерон повернулся к столу, где лежали сделанные им чертежи, и промолвил:

– Отец Иларион, посмотри, годится ли моя работа к делу. Ты всё-таки больше меня образован.

Тот посмотрел: работа колоссальная и очень замысловатая. Но так как он считал себя несведущим в этом деле, то и не мог решительно определить, правильно ли оно сделано или неправильно, и сказал:

– Почему же ты не показал этому инженеру, было б интересно знать

его мнение?

– Да если бы знать, что он человек беспристрастный и честный, то, конечно, хорошо бы знать его мнение, ну а если он не таков, то лучше уж не показывать. Тебе, как своему, первому показываю мою работу.

Тут отец Иерон набожно перекрестился со словами:

– Да будет воля Божия! Решаю делать, как задумал.

Отец Иларион подивился его смелости и решительному характеру и пожелал ему доброго успеха. Игумен же поблагодарил его за добрые пожелания и сказал:

– Помолись Богу, чтобы мне благополучно и во славу Божию довести дело до конца.

Почему-то оба они обратили тут свой взор на отца Иордана: тот сидел в углу на стуле против них с чёткой в руках, опустив голову, и слегка похрапывал. Это он сделал притворно, чтобы дать им полную свободу беседовать. Игумен, глядя на отца Иордана, говорит:

– Отец Иордан, а отец Иордан, ты что, задремал?

Отец Иордан сказал, как бы проснувшись:

– Да, что-то дремлет, наверное, на дождик.

– Вот мы с отцом Иларионом толкуем о затеянном нами деле, а тебе будто ничего не надо и ты спокойно дремлешь.

– А чего ж мне ещё больше надо?

– Как что? Да на нас же лежит ведь равная обязанность!

– Как же равная?!

– Да так, мы ведь посланы сюда за святое послушание со Старого Афона строить эту святую обитель, а вы теперь с себя снимаете эту обязанность. Вот самочинно в пустыню ушли.

Отец Иордан давай в ответ доказывать, что он поехал сюда по благословию старца Иеронима на время, а теперь желает жить в пустыне, и спросил тут отца Иерона:

– А разве сам ты не бегал на Старом Афоне в пустыню, когда ещё был иеродиаконом.

– Ну да полно тебе старое поминать.

– А потом ты говоришь, что мы – самочинники – не спасёмся. А как прежде нас спаслись самочинники, например, возьми мучеников? Все они были сами виновники своего мучения и смерти. А ведь это в их воле было – терпеть мучение или исполнить волю мучителей и принять славу мира сего? И многие преподобные уходили в самые пустынные места, лишённые всякого утешения. Они могли бы жить со многими и получать утешение от многих. Но все они предпочли пострадать временно, дабы не

лишиться Божия милосердия в вечности.

Отец Иерон не стал больше возражать отцу Иордану, только тихо вздохнул и кротко сказал:

– Всё-таки вы неправы в том, что оставили меня. Нам следовало бы вместе потрудиться над устройством этой новой обители хотя немного, а тогда я нашёл бы подходящего человека, которому мог бы передать это дело, да и тоже ушёл бы с вами в пустыню.

Отцы сочувственно посмотрели на игумена Иерона: видно было, что он говорил это от чистого сердца, и им стало его жалко. Отец Иордан сказал ему на это:

– Нет, батюшка, видно тебе Богом назначено строить эту обитель, так ты уже и кончай, и нечего тебе подыскивать человека, которому ты мог бы передать строительство. Ведь подходящий для этого дела человек найдётся очень нескоро. А ты, если потрудишься на общую пользу, то Бог тебя не оставит. А нас прости за всё.

И они сделали поклон ему, также и он им.

Лицо у отца Иерона сделалось умиленное, как у ангела; в нём виделась чистая, божественная братская любовь. Так они распрощались, а на другой день отец Иларион пошёл с отцом Иорданом в его пустыню.

Об этом путешествии сам отец Иларион рассказывал так:

«Шли мы до Адлера пешком по-над морем четыре дня. Путь был пустынный, в то время населения там почти не было. Переночевав в Адлере, на другой день мы добрались до пустыни отца Иордана. Место было весьма недоступное, между скалами и на реке Мзымте⁵⁵.

У отца Иордана дома оставался его ученик. Увидев нас, он очень обрадовался, так как, было, впал в такое уныние, что хотел, не дождавшись старцев, бросить всё и уйти из этой пустыни в монастырь. Отец Иордан не похвалил ученика за такое малодушие, а потом, обращаясь ко мне, сказал:

– Молодому простительно!

И правда, это был совсем юноша, которому не исполнилось ещё и двадцати лет. Погостив довольно у отца Иордана, я засобирался обратно в свою пустыню. Однажды отец Иордан говорит мне:

– Знаешь, о чём я хочу тебе просить? Возьми этого юношу к себе в ученики.

– А ты почему не хочешь держать его при себе?

– Да потому, что, как ты знаешь, характер у меня, по правде говоря, суровый, я и боюсь, что он не вынесет моего характера и уйдёт в мир. А брат хороший.

Я на это ничего ему тогда не ответил, а на другой день начал

собираться в путь. Отец Иордан посоветовал юноше просить меня принять его к себе в ученики, и тот стал неотступно проситься ко мне, обещая во всём быть послушным. И сам отец Иордан стал просить за него. Не хотелось мне брать на себя это бремя, но я как-то невольно согласился с условием однако, чтобы этот юноша был со мной во всём откровенным, и он обещался мне. Я тут же дал ему целый ряд наставлений и рассказал ему, как бывает с молодыми послушниками, которые приходят в первый раз к старцу или какому-нибудь старшему брату в общежитие. Сперва они бывают ревностны, смиренны, и в их глазах старец видится ангелом Божиим. Потом, немного пообжившись, у послушника закрадывается скрытность и недоверие. Старец уже кажется ему обыкновенным человеком. Помыслы начинают ему подсказывать: “Зачем тебе говорить старцу о том или об этом, ты ведь сам знаешь, что хорошо и что нехорошо, сам читал в книгах и не хуже других понимаешь. Но на то ты и учился, чтобы разбираться своим умом, а не чужим”. И если бедный новоначальный примет это нашёптывание бесовское, бес ведёт его дальше в погибель. В нём начинают закрадываться и полное недоверие, и подозрительность, а старец кажется немощнее его и одержимым слабостями. Слова старца кажутся уже невыносимыми, взор его неприятен. На новоначального чаще и чаще начинает налегать тоскливая нудва, а временами – раскаяние о начатом пути в этой жизни. Ему кажется, что в миру легче было бы спастись, чем с этим злым человеком. Тогда бес, видя его прилоги, начинает нападать на него мрачными помыслами, вверзает его в гнусные страсти, влагает ему стыд к открытию помыслов старцу и вообще скрытность. Таковые нередко не выдерживают дольше и возвращаются к мирской жизни, делаясь самыми жалкими людьми. Потому заметь, брат, что если ты даже немного станешь скрывать от меня свои помыслы, то враг может скоро довести тебя до крайности, и тогда тебе будет трудно справиться с этой борьбой.

Отец Иордан выслушал меня молча, а потом обратился к своему ученику:

– Вот, брат Владимир, ты всё меня спрашиваешь, как тебе спастись. Старец берёт тебя к себе, и если будешь его слушать, то, несомненно, с Божией помощью спасёшься.

Я сообщил отцу Иордану:

– Завтра, пожалуй, нам с братом Владимиром надо бы отправляться домой.

А Иордан возразил:

– Нет, мы пойдём с тобой, чтобы подыскать на всякий случай

местечко для вашего поселения. Выше меня есть хорошая поляна, и я думаю, будет небесполезно посмотреть её. Всё может случиться, ведь живём, как птицы, – сегодня здесь, а завтра бывает надо переселиться. Ты ведь и сам говорил, что тебе хотелось посмотреть место на случай перехода, чтобы было, куда перейти.

Это предложение мне понравилось, и я согласился остаться ещё на два дня. На другой день утром стали мы поторапливаться, чтобы скорее тронуться в путь. Брат Владимир остался дома. В дороге уже отец Иордан предупредил меня:

– Следуй за мной с осторожностью, пока не выйдем на более удобную тропу.

Шли мы неторопко по весьма скалистой горе. Пробираясь мимо одного высокого утёса, заметили мы в нём какой-то навес в виде пещеры, а подойдя ближе, услышали запах дыма. Затаив дух, мы подошли поближе и увидели чудное зрелище: горел небольшой огонёк, около которого лежала расколотая плаха, а на ней – голый человек, перепоясанный какой-то тряпкой. Отец Иордан дал мне знак, чтобы я молчал, мы подошли ещё ближе и, остановившись, стали рассматривать этого странного человека. Лёжа у огня, он поворачивался то вправо, то влево, чтобы согреться. Отец Иордан сказал мне тихо на ухо:

– Этот человек, если заметит нас, то быстро убежит. Я его уже несколько раз видел в лесу, но он, как только заметит меня, всегда поспешно удаляется. Мне хотелось бы знать, что это за страдалец. Похоже, что это скиталец, живущий в горах ради Бога. И мы давай по-возможности тихо подойдём, а тогда уж быстро сблизимся и ему некуда будет деться.

Мы так и сделали: подошли поближе, а потом быстро бросились к пещере, громко сотворив молитву. Наш бедный скиталец вскочил и хотел бежать, но мы просили его не делать этого:

– Не беги от нас, мы тоже живём ради Бога.

Но ему и бежать-то было некуда: так как мы загородили путь, а с другой стороны была отвесная пропасть, и наш бедный незнакомец волей-неволей принуждён был остаться на месте. Мы почувствовали, что попали в неловкое положение и начали извиняться за своё внезапное появление его жилище:

– Всё это мы сделали для того, чтобы получить от тебя какую-либо пользу для душ наших.

Он кротко посмотрел на нас и тихо проговорил:

– Какая польза может быть кому-то от меня? – и молча опустил голову.

Пока он молчал, мы смогли осмотреть пещеру и его самого. Это был человек выше среднего роста, лет пятидесяти, совершенно голый, несмотря на то, что был декабрь. На голове его волос был весь слячён⁵⁶, как войлочная шляпа, спина и грудь обросли волосами. У меня появилось чувство, что это непростой человек, и я подумал: начну расспрашивать его о том, о чём и из разговора, пожалуй, хоть немного смогу понять, кто он такой. Отец Иордан смотрел на него с изумлением, а я начал расспрашивать, как он питается под этой скалистой горой, не имея огорода. Он же, смотря на меня, заговорил:

– А звери не имеют огородов, так и я подобно им.

– А давно, брат, ты такую жизнь проводишь? Не скрой от нас, мы спрашиваем тебя не ради горячего любопытства, а желаем, чтобы твоя повесть была нам в назидание.

Наш незнакомец изменился в лице, и будто его всего судорога передёрнула. Потом он опять пристально взглянул на нас и говорит:

– Значит, вы желаете ближе узнать обо мне?

– Да, отче, – ответили мы.

Он же возразил:

– Простите меня, я ещё не монах, постриг не принимал, вы меня отцом не называйте, а зовите братом. Я вижу, что вы истинные иноки и живёте здесь ради Бога. И потому я расскажу вам коротко причину моего жития в этой пустыни. Мне пятьдесят один год от роду, а проживаю я здесь в горах уже двадцать лет. Пищей мне служат растущие кругом дикие фрукты – яблоки, груши и грецкие орехи, а иногда приходится питаться и дубовыми жёлудями, да каштанами. Одежда, бывшая когда-то на мне, износилась, и я опоясываюсь вот этой найденной в лесу тряпкой. Причина же такой моей жизни такова. Я был полковником и этим чином пожалован от самого государя за храбрость, но я был замешан в политических заговорах и у меня не было другого выхода, как избрать одно из двух: или скрыться и быть неизвестным, или продолжать действовать и быть повешенным. Я предпочёл скрыться, так и поступил. Скрылся я в этих кавказских горах. Сперва было скучно, и я не мог найти себе место от тоски. Так прожил я целых пять лет. Весь оборвался, оброс волосами и бородою и стал скорее похож на отшельника, нежели на скитающегося в горах из-за обстоятельств жизни. Однажды я даже решил наложить на себя руки, чтобы уж так не мучиться. И вдруг вижу: идёт монах, направляется прямо ко мне. “Откуда, – подумал тогда в удивлении, – может в этих горах, оказаться монах? И мне это вовсе не показалось: монах подошёл ко мне, приветствуя такими словами: “Да будет мир сердцу твоему!” Я, хотя

и удивлён был его приветом, встал и поклонился ему, а он уселся напротив со словами: “Что, брат, скучно в лесу?” – “Да, батюшка, скучно”. И он начал меня расспрашивать, давно ли я живу в горах и прочее. Я ему всё подробно рассказал: сколько живу и по какой причине сюда пришёл, сказал, что от страшной тоски не нахожу покоя и уж столько раз хотел себя убить. Старец вздохнул, набожно перекрестился и спросил меня, что я против такой тоски предпринимаю и как поступаю с собою во время тоски. Он спросил ещё: “Хочешь избавиться от этой тоски?” – “Да, батюшка, хотел бы”. – “А дашь мне обещание исполнить мой совет, который я тебе дам?” Я на всё был готов, только бы избавиться от этой напасти. Тогда он задал мне ещё вопрос: “Скажи мне всю правду, какую ты держишь веру?” Я отвечал, что я – православный христианин, святое крещение принял в детстве с именем Василий и верую так, как подобает веровать православному христианину. Он спросил, давно ли я принимал Святые Дары. “Святые Дары я принимал давно, ещё когда мне было только двадцать лет от роду”. – “Так вот, тебе надобно исповедаться и причаститься Святых Таин, это первое; а потом непрестанно молиться так: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного. Если ты меня послушаешь, исполнишь то, что я говорю, то поверь мне, ты в скорое время Царство Небесное ощутишь внутри себя, будешь вкушать плод от древа жизни и воду пить от реки, текущей в живот вечный”. – “А где бы я мог исповедаться и причаститься Святых Таин?” – “Если желаешь, пойдём со мною в селение Лесная. Там живут греки и священник грек. Он говорит по-русски, и я у него сам часто говею, потому что я сам грешный простой монах и нуждаюсь в этом Святом таинстве”. – “Но ведь, отче, я рассказал тебе моё положение; не опасно ли мне будет идти в селение?” – “Это селение весьма тихое, запрятано в горах, и я ручаюсь за твоё благополучие”. Я согласился идти с ним, и он мне сказал: “Пойдём ко мне в келью, так как я сегодня пятница, а уж завтра после обеда пойдём в Лесную. Моя келья в одной версте отсюда, а от Лесной – в пяти”. Мы пошли.

Подойдя к его келье, мы увидели, что на макушке одного грецкого ореха сидел медведь и обламывал ветки с орехами. Старец громко закричал: “Ты что делаешь?!” – и медведь спокойно стал спускаться с дерева. Я закричал: “Отче, не опасно?” – “Нет, нет, он ручной”. И медведь, подобно шкодливой собаке, пригнул голову к земле, как бы извиняясь за свой поступок. Монах вошёл в келью, вынес кусок мамалыги и бросил перед медведем, сказав: “Кушай”. Медведь покорно взял брошенный кусок и быстро убежал. Монах рассказал мне следующее: “Этого медведя ещё

маленьким я нашёл больным. Видно, он остался сиротой. Я его кормил, пока он не подрос, а потом отпустил на волю, он даже не хотел уходить, пока кое-как не привык искать сам себе пропитание. Но всё же по старой привычке кое-когда и ко мне приходит, словно в гости”. Не так важен этот рассказ о медведе, как важна любовь этого старца. Кто бы захотел возиться с маленьким больным животным!? Так и мне он показал свою заботу и любовь. ... Она ведь готова покрыть всех страждущих и успокоить обремененных. Дождавшись воскресного дня, мы в Лесной сподобились оба причаститься Святых Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Потом мы возвратились обратно в келью отца Филимона – так звали этого старца. Он приготовил кое-чего перекусить и я, поев, начал собираться обратно. Я пал в ноги монаху и стал благодарить за его отеческую любовь. Отец Филимон снова повторил, чтобы я непрестанно занимался Иисусовой молитвой, через которую возмогу обрести мир душе своей. Я спросил его, могу ли приходиться к нему, когда возникнет нужда, потому что я решил оставшуюся жизнь провести отшельником, ибо чувствовал, что Сам Бог привёл меня к этому образу жизни. Отец Филимон посмотрел на меня, да и говорит: “Воистину, брат Василий, Бог устроит судьбы Ему Одному известными путями. Это мы видим из житий Святых. Возьмём, например, Павла Фивейского⁵⁷, который был приведён в пустыню случайно, укрываясь бегством от мучителей, а явился образцом и первенцем отшельников. И не один такой случай показали нам спасавшиеся прежде нас. Знай и то, что живущие в пустыни прервали общение с соблазнами, которыми наполнен весь мир, и прежде воспринятые от соблазнов впечатления изглаждаются из сердца, и воспоминания слабеют. Но надо им помнить, что ... мы должны смиряться пред Богом и человеками и носить в сердце своём сокрушение, трудиться непрестанно в подвиге скорбей своих, этим очищаться и таким образом восходить к совершенству”. Я остался весьма благодарен старцу за его наставление и, распрощавшись, пошёл в свой шалаш, в котором в то время жил. И после я часто ходил к отцу Филимону и пользовался его наставлениями. Более всего меня привязало к нему то, что с первого знакомства с ним я уже не чувствовал той тоски, которая угнетала меня прежде. И так я счастливо пользовался его руководством и наставлениями пять лет; а ныне вот уже исполнилось десять лет, как я расстался с моим дорогим отцом Филимоном. Он ушёл в горы на крайнее безмолвие, и мне об этом не сказал. Я много о нём скорбел, облазил все пропасти – всё искал его. Но только недавно знакомый охотник сообщил, что живёт отец Филимон под перевалом, и этот охотник даже ночевал у него. Вот, отцы, я вам рассказал

о себе, грешном, и малость о моём старце, чрез которого я вкусил от плода, услаждающего душу мою, и от источника, прохлаждающего чувства мои.

Мы были весьма довольны этим рассказом и возблагодарили Бога за такую встречу. Предложили мы отшельнику свою верхнюю одежду, чтобы покрыл своё тело, но он отказался. Распроставшись с ним, мы отправились осматривать места и нашли поляну, о которой говорил отец Иордан. Эту поляну скорее можно было назвать запущенным садом – и действительно, это был старый черкесский сад. На ней росли груши, яблони и грецкие орехи. На земле ещё лежали яблоки, несмотря на то, что скоро было Рождество Христово. День клонился к вечеру, и нам надо было спешить домой. Обрато мы пошли совсем другой дорогой. Придя в келью, мы увидели, что брат Владимир приготовил нам поесть. Он подал нам пищу со словами: “Вы что-то долго ходили”. Но мы ничего не стали ему рассказывать о встреченном старце, зная, что у юных ревнителей часто бывает стремление безрассудно подражать исключительным образам жизни, не соразмеряясь, по силам им это или нет. Он-то думает: “Святые, мол, так делали, и вот они стали святые”, – и начинают и сами делать несоответственное ни своему устройению, ни своему знанию, или, лучше сказать, рассуждению. Этим они часто воздвигают себе страшное препятствие к правильному духовному преуспеянию. Чтобы избавить новоначальных подвижников от этой опасности, Святые отцы и поставили им за правило – ничего не делать самочинно, хотя бы им и казалось, что это доброе дело. Часто для самочинных, особенно, юных и доброе бывает не на пользу. Это показал опыт многих, положившихся на своё самодеяние, что печально для них и закончилось».

Такова была повесть старца Илариона.

Не хотелось бы мне умолчать о кончине достославного подвижника отца Филимона. Он провёл в пустыни тридцать лет и последние десять лет проживал высоко в горах. Почувствовав упадок сил, он возвратился на прежнее место близ Лесной, где ныне стоит Свято-Троицкий монастырь⁵⁸. На прежнем своём любимом месте он прожил год. Но вот в один поздний вечер слышит он голос человека: «Отец, отец, иди сюда». Он посмотрел в оконце и видит: стоят два человека. Он спросил:

– Что вам надо?

– Мы заблудились, выйди сюда.

Не подозревая, чтобы это были злые люди, отец Филимон вышел к ним из своей убогой кельи. Один из этих злодеев бросился на старца и схватил его за глотку со словами:

– Давай деньги!

Старец воскликнул:

– Братцы, денег у меня нет; идите в мою келью и берите, что вам нужно!

Разбойники осмотрели келью, но там не оказалось ничего им пригодного. Они с яростью начали избивать старца, крича:

– Давай деньги, а не то убьём.

Но он им кротко отвечал:

– Денег у меня нет.

Злодеи избили его и оставили едва живого.

Во вновь строящемся Свято-Троицком монастыре был послушник, который по любви к старцу часто посещал его. Придя по обычаю к отцу Филимону, послушник нашёл его избитым и еле живым. В испуге бедал он в монастырь и рассказал игумену, что отец Филимон лежит весь в крови и еле живой. Игумен сжалился над старцем и послал четырёх человека, чтобы принесли его в монастырь, куда отца Филимона доставили едва живого: голова пробита, два ребра сломаны, зубы разбиты камнем. Через неделю после побоев наш страдалец отец Филимон мирно скончался. Но удивительно было слышать его предсмертную молитву, возносимую к Богу за убийц; он часто повторял: «Господи, прости им и не наказуй их за меня, грешного; Господи, Ты Сам молился за Своя убийцы». При таких мучительных ранах он был лицом радостен и в памяти и сознании до самого исхода души. Воистину, его можно назвать страдальцем и мучеником!

Рано утром отец Иларион с новым учеником своим, распрощавшись с отцом Иорданом, отправились в свою пустыню. Приходилось возвращаться через Новый Афон, потому что отец Иларион жил в то время близ селения Ажар, находящегося под Клухорским перевалом. Шли они два дня в полном молчании, преодолевая свою усталость терпением. Прошли. Наконец ученик обратился к старцу:

– Отче, скажи, не вражеские ли у меня помыслы? Мне сильно хочется принять монашество. Я просил отца Иордана, чтобы он позволил мне принять монашество, а он говорит, что надо ещё пожить под старцем и испытать себя в терпении послушания.

Отец Иларион ответил:

– Да, брат, старец тебе правду сказал, да ещё к тому ты весьма молод и не навьк ещё к невидимой брани.

Брат Владимир спросил:

– А какая, отче, может быть невидимая брань?

– А вот, брат, какая. Невидимая брань касается ума и сердца и часто великих столпов колеблет. Иногда она так тонко действует, что её едва могут усматривать бдительные и трезвые подвижники. Она значительно тяжелее видимой. Видимая брань отлична своей грубостью, например: лишение богатства, грозящая бедность, потеря любимого человека и полученное от другого оскорбление и тому подобное. А внутренняя брань действует изошрённо, показывая человеку высоту его жизни, обещает награду за понесённые великие труды, как достойно заработанную, иногда побуждает стать учителем и руководителем, и закрадывается великая гордость. В этой брани требуется великое рассуждение и смиренномудрие, почему и Господь наш, Иисус Христос, предостерегая Своих учеников от гордости и высокого мнения о себе за свою святость, сказал им: «Смотрите, когда исполните всё, повеленное вам, говорите: “Мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»⁵⁹.

Так пришли они в Новый Афон, отдохнули там один день, и старец стал собираться в свою пустыню.

Однако послушник начал настойчиво просить старца, чтобы тот позволил ему принять постриг в монастыре. Старец повторил, что он-де молод и надо бы ему повременить с постригом. Но брат Владимир неотступно умолял старца быть его восприемником в постриге, то есть стать его духовным старцем по уставу Святых отец. Отец Иларион, видя у юноши великое желание иметь ангельский образ, всё же опасался его молодости, так как ему неоднократно приходилось видеть юных, принявших монашество и не умевших вести брань с врагом нашего спасения, из-за чего впадали во многие немощи и были достойны всякого сожаления. Потому старец отклонял приятие юношей на себя монашеских обетов, чтобы за их нарушение не пришлось бы дать Богу ответ. Тогда и последняя будут горше первых⁶⁰. Но юный ревнитель был очень настойчив в своей просьбе, и старец уступил:

Ладно, я переговорю об этом с иеромонахом.

У отца Илариона был друг, отец Вукол. С ним он и решил посоветоваться насчёт пострига. Отец Вукол был весьма опытен и дал совет постричь ученика только в рясофор; при этом можно переменить имя. А чтобы брат не скорбел, что его не сразу постригают в мантию, объяснить ему, что это такой порядок постепенного восхождения в чине пострига. Отец Иларион всё это пересказал своему ученику, и брат Владимир обрадовался, а на другой день отец Вукол постриг его в рясофор келейным постригом. При этом он был назван Венедиктом, а отец Иларион стал его духовным старцем в постриге. Старец и ученик отстояли

в обители Священную литургию и, причастившись Святых Таин, отправились в свою пустыню.

Когда они вошли в ущелье реки Кодор, погода неожиданно переменялась, и снег повалил хлопьями. Старец тут и говорит ученику:

– Ну, брат, пожалуй, мы не доберёмся до своей кельи.

– Почему, отче?

– А потому, что выше в горах теперь навалило снегу порядочно и нам не взобраться на гору.

– А что же нам теперь делать?

– А вот что. В Ажарах драндовские монахи начали строить подворье; мы зайдём туда и переждём, когда пройдёт снег.

Так они и сделали. На подворье они застали своего соседа, отца Феофила, который тоже ходил в Дранды говеть. У отца Илариона невольно родилась мысль: если бы пустынникам как-нибудь удалось устроить свою келейную церковь, чтобы не было нужды выходить из пустыни ради духовной потребности. Он открыл эти мысли отцу Феофилу, который весьма их одобрил. Стали они вдвоём думать, как всё это устроить. Отец Иларион рассудил, что пустынники должны объединиться, выбрать от своей братии человека, достойного рукоположения, и просить Сухумского епископа, чтобы он его рукоположил в иеромонахи и выдал антиминос. Только тогда пустынники могли бы избавиться от лишних выходов. Отец Феофил одобрил план отца Илариона, но это было пока оставлено до своего времени. Отец Феофил начал как бы с обидой жаловаться на такое положение пустынников, что нет у них своей церкви.

Переночевали они на подворье и рано поутру отправились в дорогу. Утром тучи стали подниматься вверх, снег идти перестал, из-за облака вынырнуло солнце, светлые и тёплые лучи свои спустило на землю. Тут отец Феофил с восторгом воскликнул:

– Вот так денёк прекрасный! А вчера был словно ночь тёмная.

Отец Иларион заметил ему:

– Да, отец, так бывает в нашей жизни. Иногда натянет такое тёмное облако разных искушений, – ну, думаем, наверное, уж и белого дня не увидим. И пойдут тогда стаями разные звери на разыскание пищи себе. А потом смотришь – воссияет солнце, и эти звери собираются в логовища свои, и тогда исходишь на дело своё до вечера. И я думаю, что это испытывают многие.

Отец Феофил ответил:

– Вот, отче, со мною на днях случилось подобное, и если б не милость Божия, то я, думаю, что звери, напавшие на меня в эту тёмную ночь,

сожрали бы меня. Говорю о разных помыслах и искушениях.

– А чем ты вооружаешься больше всего, когда нападают на тебя такие помыслы? – спросил старец Иларион.

– Я читаю тогда Евангелие и отеческие книги, – отвечивал отец Феофил, – а больше всего помогает, когда я исповедуюсь и причащаюсь Святых Таин.

– Да, это способ самый верный против козней бесовских. Ну, а молитву Иисусову тоже творишь?

Отец Феофил тут несколько застеснялся и говорит:

– Скажу тебе, отче, сущую правду: этой молитвы я никак не могу привить к своему сердцу.

Старец Иларион, вздохнув, заговорил:

– Чтобы привить к сердцу своему молитву, немалое время потребно и великий труд должен человек поднять. Конечно, труд должен быть более разумный, мысленный, нежели телесный, и тогда научишься молитве. И научившись, не должен ты преставать от молитвы, но должен Господа славить и воспевать умом и сердцем, а не гласом и устами только. ... Когда стяжает человек Иисусову молитву, станет уже не столь усладительно и потребно чтение, потому что от молитвы душа озаряется божественным светом. А кто оставляет молитву и предпочитает просиживать за чтением книг, хотя бы они были святоотеческие, таковой весьма ошибается и может себя отдалить от спасения. Говорю это более преуспевшим, а новоначальным весьма полезно чтение божественных и святоотеческих книг.

Далее об этой беседе со старцем сам отец Феофил рассказывал мне так:

«Знал я, что старец имеет дар молитвы, над которой многие годы в великом терпении потрудился, о которой и книгу начал писать. И потому спросил я старца:

– Как мне стяжать Иисусову молитву?

Ответил мне на это старец:

– Надо сначала себя приучить к устной молитве Иисусовой ... Но главное при занятии этой молитвой – мы должны всё своё внимание обращать на то, чтобы наш ум был как бы весь заключён в слова молитвы, и произносить их должно неспешно, с сокрушенным сердцем и смиренным духом. Конечно, и при всякой молитве мы должны стараться быть таковыми, но особенно требует этого молитва Иисусова. Когда мы поём псалмы или каноны, то мы увлекаемся таинственными словами, читаемыми нами, и наш ум как бы невольно развлекается. А когда мы

занимаемся молитвой Иисусовой, то ум наш как бы приходит к самому центру и не хочет оторваться куда-либо. Ему ясно видно, что только здесь он безопасен и благонадежен об имени Иисусове. И хотящий спастися да творит сию молитву так: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного.

Так старец дал мне наставление, как творить сию божественную молитву, за что я его от чистого сердца поблагодарил. Беседуя я и не заметил, как мы поднялись на свою гору, хотя подъём был весьма тяжёл и неприятен, потому что вновь выпавший снег не давал идти, наши ноги то и дело скользили назад. Но, наконец, всё-таки добрались мы до своих убогих келий».

Таков был рассказ отца Феофила.

Отец Иларион прожил в Ажарах на реке Зиме со своим учеником и соседом отцом Феофилом несколько лет, потом по только, ему известной причине, переселился на Кубанскую сторону гор – за перевал, где мне часто приходилось его посещать. Однажды я пошёл к нему за советом и застал старца весьма печальным. Из разговора выяснилась причина его печали. Отец Иларион написал книгу под заглавием «На горах Кавказа», которую ему с помощью разных знакомых да благодетелей кое-как удалось отдать напечатать в Баталпашинск⁶¹.

Но, к несчастью, в типографии на этот раз не было корректора. И поэтому старцу предложили, чтобы он сам вычитал корректуру своей книги, за что обещали заплатить ему двести рублей. А если он не согласится, то издание книги откладывается, пока не найдётся корректор. Отцу Илариону желательно было поскорее выпустить книгу, и потому он сам взялся за её корректуру. Об этом-то старца и скорбел. Он говорил: «Не хотел бы и книги, если б мне идти в типографию работать». Но всё же пошёл и, проработав там три дня, отказался от всего. Хозяин типографии отнёсся к старцу с сочувствием, и на некоторое время работа была приостановлена, пока не нашёлся человек для выполнения корректорской работы. Вскоре книга была напечатана. О ней в дальнейшем будет рассказано поподробнее.

В это время в Кавказских горах начало поселяться всё больше и больше пустынников, а церкви же своей они не имели и ходили говеть то монастырь, то в селения, где церковь была. Это положение они переживали как сиротство: им неприятно было оставлять свою пустыню и идти за несколько вёрст для духовного окормления. Однажды собрались пустытники обсудить, как устроить свою церковь, и решили обратиться к старцу Илариону, чтобы просить его совета и содействия. Послали к

нему трёх весьма рассудительных отцов. Придя к нему, отцы всё подробно объяснили, и старец не поленился сам прийти к ажарским пустынникам. Вместе с ними он написал к Сухумскому епископу⁶² прошение, в котором была изложена потребность отшельников в антиминсе. Отцы начали упрашивать старца, чтобы он самому пойти к епископу с прошением. И отец Иларион оказал послушание, согласись идти ко владыке с прошением, подписанном всеми тридцатью отшельниками. Отец Иларион призвал с собой ещё одного старца, маститого и благообразного, исполненного великого смирения, именем Никифор. Придя к епископу, они ему подали прошение. Епископ прочитал его и возвратил обратно со словами:

– Прощения вашего я не принимаю.

Отец Иларион хотел было объяснить, но владыка повысил голос и сказал:

– Можете расходиться из пустыни по монастырям, – и, захлопнув дверь, вышел из приёмной.

Отцы возвратились к пустынникам и со скорбью поведали им ответ епископа. Отшельники заскорбели, но вдруг поднялся с места весьма старый отец Киприан и сказал:

– Отцы, не скорбите, я верую Богу, Он показал мне этою ночью во сне судьбу нашего дела.

Все в один голос стали просить:

– Ну, ну, отец, расскажи свой сон, может он и послужит нам в утешение!

– Сон был таков ...

Услышав это, многие отцы согласились:

– Да, твой сон даёт надежду на исполнение нашей мечты.

Затем стали отцы толковать, по какой причине епископ так несочувственно и неодобрительно отнёсся к прошению пустынников. Никто ничего не мог сказать наверное. Отец Исакий, который много лет жил в Новом Афоне, сказал так:

– Отцы, не огорчайтесь на епископа ... Мы подали спешную телеграмму на Высочайшее имя, прося защиты и разрешения жить в пустыне, на что и получили такой ответ: на Кавказе пустынножительство разрешается. А епископу был задан вопрос: за что гонит отшельников? Что он ответил, нам неизвестно. Так вот, отцы, хотя рассказ мой для вас не нов, но я привёл его для того, чтобы вам было ясно, что всякая просьба к епископу о нашем деле будет бесполезна.

Мы спросили отца Исакия:

– А что же теперь делать?

– Я думаю, что надо начать хлопотать помимо епископа.

Хотя это и весьма неудобно, но другого выхода нет. Обратимся в Святейший Синод, что нам скажут.

Мы стали просить отца Илариона, чтобы он взялся за это дело. Но тот отказался наотрез, и мы, уважая его старость, не стали обременять его, но начали просить, чтобы он хотя бы выправил нам бумаги и написал разные прошения. Мы предложили ему, чтобы он остался пожить у нас, пока справится с бумагами, и старец остался.

Однажды мне было как-то нехорошо на душе, и я подумал: схожу-ка я к старцу Илариону, теперь ведь он у нас и можно воспользоваться этим случаем. Пришёл я к нему, и первое, о чём он начал говорить, это о том, кого бы послать в Москву. Я ему указал на двух человек, но добавил, что они очень робки, и если придётся им быть среди шумного города, то они, пожалуй, впадут в уныние. Старец подтвердил:

– Да, в городе скорее соскучишься, нежели в келье.

И он вспомнил, как он был корректором своей книги, когда её хотел напечатать, три дня проработал, а потом всё бросил и вернулся в пустыню:

– Так может случиться, – сказал он, – и с ходатаями нашего дела, если они будут нетерпеливы, как и я.

Нашу беседу прервал, войдя в келью, отец Венедикт. Он сказал старцу:

– Я уже собрался идти домой, благословите, отче.

– Бог благословит. Иди с Богом.

Отец Венедикт распрощался с нами и отправился в путь. Когда мы остались опять вдвоём со старцем, он мне сказал, что он послал отца Венедикта домой за книгой своего сочинения, чтобы тот привёз десятка три экземпляров сюда для подарка нашим отцам. Я не вытерпел:

– Ах, как бы скорее видеть Ваши труды.

Он мне ответил:

– Кстати, я имею с собою две книги и вот тебе одну дарю на память. – И при этом вынул из мешка книгу и подал мне.

Я поблагодарил за подарок, начал листать и рассматривать книгу и дерзнул спросить старца:

– А как долго вы её писали?

– Да порядочно. В пустыне сам знаешь, какие удобства. То заботишься о пропитании, то переходишь на другое место, а бывает, и бумаги не на что купить и пищишь на клочках, какие найдутся. Потом смотришь – потерял, и надо вновь трудиться. Бывало присядешь где-

нибудь на пеньке или по-ребячьи ляжешь на траве да и пишешь. И так писал я её долго, а всё-таки теперь вышла из печати и была просмотрена московской духовной цензурой, ничего погрешительного в ней не нашли. Просил я Бога, чтобы она послужила на спасение души читающему.

– Скажите, отче, – спросил я, – как спастись, чтобы не прожить на земле всеу?

Отец Иларион ответил мне:

– Если мы не постараемся быть внимательными к себе и не позаботимся о трезвении ума своего, то мы не сможем спастись и избежать сетей сатанинских, потому что хитрости сатаны многообразны; он всю свою заботу и всё попечение имеет только лишь о том, как бы погубить нашу душу. А мы должны помнить слова Господа, законоположника нашего спасения, Который повелевает, чтобы мы первую заботу имели – как спастись и избежать ловительства сопротивного, аки серна от ловящих её или птица от сетей. И как серна, мы должны быть бдительны и дальнорозки, как птица – быстролётны и беспопечительны. А если хотим видеть самих себя, в каком мы находимся устроении, да избегаем исполнять свои желания и остерегаемся всякой вещи, привязующей нашу душу к себе. Потому что монашеский образ – как дерево высокое, украшенное благолепными листьями и сладкими плодами, как бы плодами древа жизни. Корень этого дерева есть удаление от всего плотского, а ветви его – беспристрастие души, которая ни к какой вещи не привязана, а плод – приобретение добродетелей и божественная любовь, от которой бывает непрестающее веселие, как и апостол Павел говорит: Плод духовный есть любы, радость, мир и прочая⁶³. Но нужнее всего живущему в пустыни возводить умное око своё к Богу в молитве трезвенной, чистой и частой. Мы должны помнить наставление Святых отцов, которые нам говорят: если хочещи безмолвствовать благоугодно и удобно трезвиться сердцем, молитва Иисусова да прильпнет дыханию твоему, и в малых дозах узриши мир души твоей. Ничем так легко, отец Дамиан, не можем мы отразить от сердца своего всякое уныние, тоску и немирствие, как призыванием имени Иисусова, конечно, с чистою совестью, правой верою, сокрушенным сердцем и духом смиренным. О, если бы нам непрестанно молиться и не унывать!

Старец замолчал. Я его поблагодарил за спасительное слово и, распрощавшись, отправился в свою келью с обновлённым духом после этой беседы.

В скором времени старец подготовил все бумаги о церкви и земле для посылаемых ходатаев в Москву. Он велел собраться всем отцам, чтобы

обсудить, кого послать в Петербург и Москву с прошениями. Собравшись, отцы много говорили о том, кому поручить сию заботу и, наконец, выбрали отцов Иоанна и Исакия. Те отказывались и просили не возлагать на них этого поручения. Каждый выставлял себя неспособным, говоря: «Отцы, выберите кого поопытнее», – и каждый из них уверял, что он неопытен и к этому неспособен. Но отцы в один голос стали их просить, чтобы они согласились ради послушания, и им пришлось нехотя согласиться. Потом мы все решили дожидаться ученика старца отца Венедикта, который поехал за книгами. Он должен был заехать к адлерским пустынникам, чтобы обсудить с ними вопрос о церковном строении.

На другой день после собрания отцов пустынников появился отец Венедикт с адлерским пустынником отцом Иларионом Гузём. Последний был послан тамошними отцами как уполномоченный. Мы опять собрались уже на общий совет, какое место просить для строительства церкви. Ажарские пустынники, так как их было большинство, настаивали, чтобы строить храм на реке Брамбе, что недалеко от Ажар, а отец Иларион Гузь доказывал, что нужно устроить там, где он живёт, потому что в Ажарах, и особенно на Брамбе, могут ограбить церковь туземцы абхазцы. Они уже не раз грабили там убогое имущество пустынников, а если будет церковь, то тем более могут посчитать отшельников богатыми и будут постоянно ⁶⁴

нападать и грабить. В этом Гузь был прав, эту истину подтвердил и я. Тогда старец Иларион спросил меня:

– Скажи, отец Дамиан, правду, ты с местностью у речки Брамба давно знаком, ты и начало пустынной жизни на ней полагал – подходит ли она для скита?

И я откровенно сказал, что она была бы подходящей, если бы не было поблизости абхазцев. Все отцы, видя правду, замолчали. Гузь же был рад, что мои слова ему на руку, и начал ещё более настаивать, чтобы скит был в пустыне близ Медовеевки, где находится его келья. Тогда наши отцы в один голос возразили:

– Если скит устроить в Медовеевке, то какая нам будет польза, если между нами расстояние будет в двести вёрст?

Отец Гузь стал говорить:

– А вы все перейдёте к нам, так как там абхазов нет, население русское, есть и греки. Там весьма спокойно, грабежей нет, как здесь.

После обсуждения мы признали, что будет лучше поступить именно так, как говорит Гузь. Но почему-то наши отцы, выбранные для ходатайства, наотрез отказались от поездки и от связанных с ней хлопот. А

Гузь, казалось, был этому рад и смело сказал:

– Если никто не хочет ехать в Петербург и хлопотать, то я берусь сам всё это сделать.

Мы все были весьма удивлены его словам, зная, что он почти неграмотен и едва ли один сумеет справиться с таким делом. Однако ни один из наших отцов не пожелал брать на себя эту заботу, и все с готовностью вручили её малограмотному отцу Илариону Гузю с условием, чтобы он довёл это дело до конца: при всех сомнениях относительно его безграмотности мы знали его железное терпение, несокрушимую волю и неустрашимую смелость. Мы решили передать ему бумаги на отчай⁶⁵ – будь что будет. Отец Иларион Гузь, получив бумаги, немедленно засобирался в Москву, а старец Иларион удалился в свою пустыньку на Кубанской стороне.

Спустя некоторое время старец Иларион продал свою книгу в Киево-Печерскую лавру за весьма скромную сумму... Получив деньги он расплатился с долгами, часть передал на расходы по ходатайству о ските, а остальные раздал бедным братьям, потому что он не хотел держать у себя ни единого рубля: он был весьма нестяжателен и милостив. Бывало, имеет две одежды и, увидев нуждающегося, непременно старается одну отдать, – такую он имел любовь!

Отец Иларион Гузь много поднял трудов, ходатайствуя о ските. Везде, однако, он сталкивался с отказом, но благодаря добрым людям, которые, вникнув в существо его хлопот, начали помогать ему, дело понемногу стало налаживаться. Но вот наступила великая война⁶⁶, и наше дело заглохло. Однако Господь, видя долгое терпение отшельников, устроил то, чего они желали. Только старец Иларион этого не дождался, он окончил своё земное странствие и мирно отошёл ко Господу. О церкви отшельников мы подробно расскажем в последующих рассказах⁶⁷, а пока я возвращусь к повести о старце Иларионе.

Итак, старец Иларион с учеником своим Венедиктом уехали от нас и в Новороссийске им встретился некто из ближайших знакомых старца, который бывал для него и благодетелем. Этот добрый муж⁶⁸ рассказывал о той встрече так:

«Начал я расспрашивать старца, как он живёт и каково его здоровье. Он же отвечал:

– Ничего, а вот только беда – ноги совсем ослабели и по горам трудно ходить.

В ответ старец поинтересовался моими делами и здоровьем. Я ему рассказал, что в делах житейских меня постигло несчастье: я понёс

страшные убытки и от этого близок к отчаянию. Старец же стал успокаивать меня:

– Благодарю Господа за постигшие тебя скорби, не ропщи и не впадай в уныние, потому что всякие несчастья служат для нас очищением, как огонь для золота. Крепость веры нашей доказывается в терпении. Мы должны возложить печаль свою на Господа, и тогда никакие беды и несчастья не поколеблют нас. Мы читаем историю праведного Иова и удивляемся: он был благочестив, истинен, непорочен, праведен, *удаляйся от всякия лукавыя вещи*⁶⁹, но по особому изволению Божию были попущены на него страшные испытания. Он внезапно сделался нищим, у него были уничтожены стада волов, овец и верблюдов со всеми пастухами. Были у него любимые дети, семь сыновей и три дочери, и они были задавлены упавшим на них домом. Когда узнал об этом Иов, то он не возроптал на Бога и не поколебался в вере, но сказал: *«Господь даде, Господь отъят. Яко ко Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно во веки»*⁷⁰. Затем он сам был поражён проказой и должен был выйти за город и сидеть, оставленный всеми, и оскребать гнойные струпы свои черепками. Ещё и жена его приступила к нему с советом недобрым, говоря: *«Рцы глагол некий ко Господу и умрешу»*. Иов и тут был непоколебим. Он сказал ей: *«Вскую яко едина от безумных жен возглаголала еси? Аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим?»*⁷¹ Он в терпении и с крепкою верою в Бога перенёс всё постигшее его, за что и Бог даровал ему опять и здоровье, и сугубое богатство, и он родил опять сынов и дочерей. Итак, Бог, видя терпение Иова, возвратил ему славу больше прежней. Так и мы не будем малодушны, когда нас постигают несчастья. Мы должны несомненно верить Господу Богу, что Он не попустит нам испытаний выше наших сил. Итак, брате, не скорби о потере и об убытках, *но возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаем*⁷²

Этими и другими словами утешал меня старец, и я несколько успокоился. Не хотелось мне расставаться со старцем, и я предложил ему поселиться на моём участке, который находился в четырёх верстах от Горного Разъезда в Тёмных Буках. Старец сперва начал отказываться, говоря, что у него есть келья, хотя весьма высоко и путь труден. Но я стал советовать заехать со мною на участок и посмотреть. Старец согласился, и мы втроём поехали по направлению к Екатеринодару. Когда проехали туннель, ученик старца стал роптать, говоря: “Мы едем в степи и оставляем горы”. Я его едва успокоил, говоря, что и мой участок в горах, только горы не такие высокие, а для старца как раз будет достаточно такой

высоты при его больных ногах. Проехали от станции Туннельной до первого разъезда и вышли. От разъезда на участок мы пришли пешком и, отдохнув в первоначальном домике, мы со старцем и учеником обошли весь участок. На участке был лес, местность значительно возвышалась над плоскогорьем, а кругом участок был словно огорожен оврагами. Старцу он понравился, так как место было весьма тихое. И решили старец с учеником остаться у меня на участке. Я им по своим силам оставил на первое время денег на пропитание, пожил с ними дня три, а потом отправился к своему семейству в Екатеринодар».

Таков был рассказ этого доброго мужа о встрече со старцем.

В то время как старец Иларион жил в Тёмных Буках, на Старом Афоне возник великий богословский спор между русскими иноками об имени Божиим. Из-за этого спора были вывезены оттуда девятьсот человек. Духовные власти начали выяснять, что послужило причиной этого спора иноков, и признали виновницей книгу отца Илариона «На горах Кавказа», хотя афонские монахи и сознавались, что спор начался ещё раньше появления книги, а книга только поддала жару в огонь. Тут же запретили выпускать в печать книгу старца, и так с тех пор она не печаталась.

А старец испытывал великую скорбь. Не о книге скорбел он, что она запрещена, а о том, что его признали виновником смуты афонской. В эти дни он и вспомнил предсказание карульского старца, который предрёк, что при кончине дней твоих постигнет тебя великая скорбь. И в 1915 году старец Иларион мирно скончался там же в пустыне, в Тёмных Буках близ Новороссийска⁷³. Около могилы его населились монахини, а над могилой устроили небольшую часовню, в которой совершается Божественная литургия. Здесь верующие приносят Господу тёплые молитвы, в которых поминают и старца, да не лишит его Господь Своего милосердия, и душа его во благих водворится.

* * *

Изложив вкратце жизнеописание старца схимонаха Илариона, не желаю умолчать и об ученике его Венедикте.

Венедикт от крещения носил имя Владимир. Родом он был из Бессарабии, сын трудолюбивого крестьянина. Воспитанный в страхе Божиим, двенадцати лет от роду он поступил в Молдаво-Нямецкий монастырь⁷⁴, в котором прожил до восемнадцати лет. Слыша много о Старом Афоне, о прекрасных тамошних обителях и о живущих там строгих подвижниках, он возгорелся ревностью к более суровой подвижнической жизни и решил уехать туда. Однако его не пропустили

через границу из-за юного возраста. Тогда Владимир отправился на Кавказ, в Новый Афон. Здесь встретил отшельников, которые проводили жизнь в горах. Появилось и у него желание быть отшельником. Но он и представить себе не мог, как начать эту жизнь, и решил найти старца. В это время пришёл из пустыни в монастырь по своим нуждам отец Иордан. Он случайно встретился с этим юным ревнителем пустыни. Юноша начал просить старца, чтобы тот взял его с собой в пустыню, обещаясь быть во всём послушным. Старец долго отказывался, советуя поступить в монастырь. Но Владимир неотступно просил старца не отказывать ему в своей просьбе. Опытный старец заметил в юноше горячую ревность и принял его к себе. Со старцем Иорданом Владимир прожил полтора года, а потом был передан отцом Иорданом для духовного воспитания старцу Илариону, с которым молодой подвижник прожил до его смерти. Сам Венедикт рассказывал, что подчас старцу бывало трудно с ним жить:

– Много пришлось старцу от меня терпеть, потому что у меня характер весьма капризный. Бывало, старец сделает мне выговор за мои ошибки, а я заберусь в кусты и посижу там целый день. Старец позовёт меня, чтобы я приготовил поесть, а я и совсем уйду повыше на гору и оттуда смотрю, как старец сам заботится о приготовлении пищи. А когда он приготовит, то я спускаюсь с горы, как медведь, повесив голову, чтобы и самому поесть, что старец приготовил. Старец был незлобив, бывало, посмотрит на меня да и говорит: «Ну, будет тебе насупленным ходить, иди есть». А мне стыдно подсаживаться, потому что я не хотел готовить, но есть-то хочется, и волей-неволей я садился тоже. Такой был вредный.

Это он говорил с великим сожалением о своём поступке. Рассказывал ещё и следующее:

– Вздумалось мне постричься в мантию, и стал я говорить старцу, что хочу принять мантию. Старец мне сказал: «Довольно с тебя пока, что ты рясофорный». Я его начал просить настойчиво, а он, словно зная мои мысли, сказал: «Тебе, небось, хочется, чтобы о тебе другие знали, что ты уж теперь мантийный монах⁷⁵, как и прочие, и носить другое имя». А я ему и открыл правду, что у меня такие чувства. Тогда старец и говорит мне: «А исполни то, что я тебе заповедаю, и будешь скоро пострижен в мантию». Я ему обещал исполнить. Старец сказал: «Когда примешь мантию, ты должен сохранить до моей смерти в молчании, что ты мантийный монах и что тебе дано другое имя. Согласен ты это сделать?» Я было замаялся дать согласие, мне, конечно, хотелось, чтобы и другим было известно, что я, мол, теперь мантийный. Старец это заметил, да и говорит:

«Вот видишь, брат, у тебя есть чувства тщеславные – даже в том, что

ты, мол, уже будешь мантийный монах, и тебе хочется, чтобы и другие об этом знали. Разве ты не знаешь, что мантия не есть как мирской какой-либо чин. Она есть возвышение духа смирения и образ покаяния. Принимая мантию, мы должны на себя принять и образ смирения, и из всех сил смиряться пред Богом и человеки, и непрестанно в уме и сердце иметь, что мы – прах и пепел, и что мы вскоре должны оставить юдоль сию плачевную, потрудившись в ней малотрудным подвигом, и переселиться в обители вечные, идеже веселие непрестанное и радость неизглаголанная». Когда старец обличил моё тщеславие, мне стало стыдно, я попросил у него прощение и обещал исполнить его завещание. В скором времени я и был пострижен в мантию и назван Силуаном. Это я тебе первому открываю свою тайну после смерти старца моего.

После смерти старца Илариона отец Силуан почти не имел определённого места жительства. То поживёт за перевалом на Кубанской стороне, то придёт, бывало, к нам в Ажары. Не мог он успокоиться от скорби в разлуке со старцем. И вот в 1919 году, когда Россия обливалась кровью от междоусобной брани, отец Силуан шёл из Кубанской стороны на черноморский берег в Ажары и под Клухорским перевалом был захвачен шайкой зелёных. Они его жестоко истязали, допрашивая, не видал ли он казаков или белых. Но Силуан отвечал им, что он ничего не знает и никого не видал. Тогда безбожная банда решила этого ни в чём неповинного скитальца распять на дереве подобно тому, как распяли Христа богоубийственные иудеи; и распявши, сами скрылись. Тело его снял с дерева шоссеино-дорожный сторож, который и передал подробные сведения о кончине отца Силуана.

Так этот страдалец предал душу свою в руце Господа и в лице мучеников воспевает и лицезрит Господа.

Приложение. Новый Афон

А. С. БОЧКОВ, член Русского исторического общества.

Мысль об устройении православного монастыря в Абхазии возникла в русских правительственных кругах сразу после её вхождения в состав России в 1810 году. Было учреждено «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Его деятельность ознаменована строительством в некогда православной Абхазии православных храмов, открытием православных школ, основанием православного монастыря. Русское правительство и обратилось за помощью в этом святом деле к Свято-Троице-Сергиевой Лавре. 18 июля 1872 года был подписан указ об основании при Пицундском храме мужского монастыря с миссионерскими целями и о назначении содержания монастырю в размере 1200 рублей в год. Святитель Иннокентий назначил настоятелем нового монастыря архимандрита Свято-Троице-Сергиевой Лавры Феофила, избравшего из монахов Лавры для монастырских должностей во вновь открываемой обители иеромонаха, иеродиакона и пять послушников. Эта монашеская братия прибыла в Пицунду в 1873 году и ревностно занялась великим делом устройства святой обители. Однако скудные средства, отпущенные на содержание монастыря, не позволили продолжить строительство.

В это время русские иноки Святой Горы Афон стали хлопотать о переселении в Россию. Они постоянно испытывали притеснения со стороны греческого духовенства, стремившегося к господству на Востоке и на Афонской Горе. 1874 год был тяжёлым для русской братии Пантелеймонова монастыря. Судебный процесс с греками был в полном разгаре. Протатом (правительством Афона) было решено, чтобы Пантелеймонов монастырь больше не назывался русским, чтобы игуменом в нём всегда был грек и русская братия ему во всём всегда подчинялась. Игумену было предоставлено право самому определять численность братии и выдворять из монастыря неудобных монахов. Так открыто формулировалось определение Протата. А тайно велись приготовления для полного удаления русских из Пантелеймонова монастыря и перемещения иноков силами турок в Малую Азию в один из заброшенных монастырей. Более того, в результате происков греков газеты Стамбула обсуждали возможность высылки русских иноков в дебри экваториальной Африки. Игумен Пантелеймонова монастыря отец Макарий и духовник обители отец Иероним обратились к русскому посланнику в Константинополе

графу Н. П. Игнатьеву с просьбой об организации переселения русских афонских иноков в русские владения на Кавказе. Для принятия русских монахов с Афона в Россию были созданы благоприятные условия.

26 августа 1875 года афонские делегаты иеромонах Арсений, монахи Иоанн, Агапий и Иерон приехали в Тифлис, затем отправились в Сухумский округ для выбора места. Место это должно было удовлетворять многочисленным условиям, связанным с хозяйственной деятельностью, но, главное, с предстоящим духовным подвигом. Место это должно было располагаться подальше от селений.

Особую роль играла безопасность обители во время возможных политических нестроений и военных действий, когда монастырь, не защищённый крепостными стенами, легко мог быть ограблен и разорён.

Выбор посланников Афонского Пантелеймонова монастыря пал на живописное и плодородное место на левом берегу реки Псырцхи в центральной части Абхазии. Здесь, в 25 километрах от города Сухума, на развалинах античной греческой колонии Анакопии, некогда возвышался древний храм святого апостола Симона Кананита. Первые семена христианского вероучения Икона святого апостола Симона Кананита здесь были посеяны святыми апостолами Андреем Первозванным и Симоном Кананитом. Апостол Андрей оставил апостола Симона в Абхазии, а сам отправился в землю джакетов. Апостол Симон, ревностный и неутомимый проповедник христианства, мученически пострадал от грузинского царя Адеркия.

Место для монастыря было выбрано 6 сентября 1875 года, а 27 ноября последовало распоряжение об отводе 327 десятин земли и передаче монастырю развалин храма апостола Симона Кананита и башни, оставшейся со времён генуэзцев. Братии были предоставлены права рыбной ловли и переданы в собственность 1000 десятин строевого и такое же количество дровяного леса. Вскоре монастырь получил ещё особый земельный участок для и хозяйственных работ. Эти угодья были утверждены за монастырём с наименованием его Ново-Афонским Симоно-Кананитским. По имени обители вся местность была названа Новым Афоном.

23 ноября 1875 года с Афона в Абхазию приехали искусные в строительстве иноки, среди которых особенно выделялся иеромонах Иерон, будущий настоятель обители, обладавший необыкновенными дарованиями инженера и архитектора.

Местность, предназначенная для строительства, была дикой и пустынной, и понадобились громадные труды создателей монастыря,

чтобы расчистить непроходимые заросли, выровнять гористую местность, засыпать пропасти – одним словом провести все необходимые подготовительные работы и почти без помощи специалистов воздвигнуть на скалах величественные храмы, жилые здания, хозяйственные постройки, освоить обширные земельные владения для ведения аграрного хозяйства и, в частности, для выращивания новых для Абхазии культур.

В течение зимы 1875–1876 года иноки заготовили материалы, и ранней весной 1876 года были заложены одновременно четыре каменных здания монастыря с храмом и школой для абхазских мальчиков. Благодаря активным усилиям братии к 1 октября 1876 года удалось закончить строительство монастырских зданий и храма.

17 октября 1876 года монастырь был освящён, но 8 апреля 1877 года его внутренняя жизнь прервалась до 1 октября 1878 года в результате военных действий между Россией и Турцией. Монахи покинули обитель и приняли участие в деятельности санитарных отрядов. Здания нижней части монастыря, включая Покровский храм, во время боев были полностью разорены и сожжены.

В октябре 1878 года работа в обители вновь закипела. Храм был вновь построен за четыре месяца и освящён 3 февраля 1879 года. С особым усердием иноки трудились над восстановлением древней церкви во имя святого апостола Симона Кананита. К реставрации исторического памятника был привлечён известный знаток церковной археологии кн. А. И. Гагарин⁷⁶. 10 мая 1882 года состоялась торжественное освящение обновлённого храма. Высочайшее утверждение прав монастыря последовало 8 декабря 1879 года, по окончании военных действий. Обитель должна была соблюдать общежительный устав афонских монастырей. Из афонского Пантелеймонова монастыря в обитель могли переходить только монахи, входившие в русское братство. В случае невозможности дальнейшего пребывания на Афоне братство Пантелеймонова монастыря получало убежище в новой обители. Монастырь не мог испрашивать у правительства пособий или жалованья из казны. Таким образом, обитель получила права юридического лица, что открывало ей свободу созидательной деятельности.

В монастыре шёл процесс благоустройства. 6 июля 1883 года был освящён только что построенный придел Покровского храма во имя Архистратига Михаила.

Игумен Иерон стремился оздоровить болотистую местность, окружавшую монастырь. Он нашёл блестящее инженерное решение проблемы. На реке Псырцха, у её выхода из горного ущелья в долину, была

построена высокая каменная плотина со шлюзами. Образовалось глубокое озеро с чистой прозрачной водой. На плотине возвели двухэтажное каменное здание мельницы, а рядом с ним – пекарню. Впоследствии, когда строительство новых монастырских зданий началось на горном склоне, мельницу стали использовать для подъёма воды. Близ мельницы была сооружена водяная лесопильня. От плотины вода по каналам поступала в прачечную, на кирпичный завод, к садам и огородам, а также в нижнюю часть монастыря, где использовалась для хозяйственных нужд. На случай разлива реки было оборудовано искусственное русло, которое позволяло отводить водные излишки непосредственно в море. Вдоль естественного русла создали систему из семи больших прудов с чистой проточной водой. На берегах посадили пирамидальные тополя и плакучие ивы. В прудах разводили карпа, карася, форель и даже кефаль. В нижней части монастыря, за главным братским корпусом, располагались цветник и роскошный сад. В саду рос гигантский куст с несколькими тысячами великолепных махровых роз. Плодоносили неизвестные здесь ранее финиковые пальмы и банановые деревья.

Благоустроив нижнюю часть монастыря, отец Иерон решил приступить к возведению капитальных монастырских строений на горе, стремясь к тому, чтобы братия жила совершенно изолированно от мира.

У моря должны были располагаться лишь гостиницы для паломников и хозяйственные постройки. Насельников монастыря предполагалось разместить в нагорной части монастыря. О всех своих намерениях отец Иерон доводил до сведения духовника Свято-Пантелеимонова монастыря старца Иеронима и без его благословения не начинал ни одного нового дела, тем более что освоение выбранного места предполагало невероятные труды строителей. Нужно было срезать огромную часть горы, чтобы построить на ровной площадке храмы и келейные корпуса.

К труднейшей работе на горе иноки приступили в 1884 году. Строительство шло под личным наблюдением игумена Иерона. Требовались большие материальные затраты. Первый крупный денежный взнос сделал путешествовавший в Иерусалим елабужский купец Иван Иванович Стахеев⁷⁷.

Большая денежная помощь поступала из Пантелеймонова монастыря.

Его старцы решили построить подворье НовоАфонской обители в Петербурге, и уже к 1888 году там был сооружен девятиглавый храм по проекту известного архитектора Н.Н. Никонова. Пожертвования прихожан подворья использовались на нужды Ново-Афонского монастыря.

На церемонию закладки монастырского собора в Новый Афон 24

сентября 1888 года приехал Император Александр III с Августейшим Семейством. Одновременно с собором в обители строились монашеские корпуса.

Первый храм в нагорной части монастыря был освящён в честь Вознесения Господня 11 августа 1894 года. Он расположен над Святыми воротами. На каждом из четырёх углов, образуемых монашескими корпусами, был построен храм: на юго-восточном – во имя святого апостола Андрея Первозванного (освящён 28 сентября 1894 года); на юго-западном – в честь преподобных отцов Афонских (освящение последовало 30 января 1896 года); на северо-западном – во имя святого мученика Нерона (освящён 7 мая 1908 года); на северо-восточном – в честь чудотворной иконы Божией Матери «Избавительница» (его освятили 4 октября 1910 года).

Собор, воздвигнутый по проекту архитектора Н. Н. Никонова⁷⁸ посреди обширного двора внутри четырёхугольника, посвящён святому великомученику и целителю Пантелеймону, а его приделы: Святителю Николаю, святому благоверному великому князю Александру Невскому, святой равноапостольной Марии Магдалине, святому великомученику Георгию Победоносцу. Собор был освящён 28 сентября 1900 года епископом Сухумским Арсением⁷⁹ при стечении 20 тысяч молящихся. Равного ему по величине и благолепию не было во всём Закавказье. Братия перешла в новосооружённый нагорный монастырь 1 марта 1896 года, а все работы по его созданию были завершены в 1911 году. Русским инокам, по милости Божией, удалось за исключительно короткое время воздвигнуть в пустынном месте несокрушимую твердыню православной веры – Ново-Афонскую обитель с великолепными храмами и величественными зданиями. Обширные строительные работы, содержание братии, численность которой к 1917 году достигла 730 человек, монастырской школы, многочисленных паломников, рабочих, благотворительная деятельность поглощали огромные средства. Монастырь не получал пособий из казны. Но православный народ своими пожертвованиями оказывал поддержку благоустройению обители. Многие, потребные для жизни, братия производила своим трудом.

Однако на первом месте у его основателей с самого начала были служение Богу, молитва, пост, покаяние. Благолепные церковные службы совершались по афонскому уставу, новоафонская братия в своей внутренней монашеской следовала общежительным традициям Пантелеймоновой обители. Игумен Иерон тщательно следил, чтобы на Новом Афоне исполнялись заветы пантелеимоновских старцев – отцов

Иеронима и Макария.

В монастырской школе, где светом Христовой истины просвещались мальчики-абхазы, учёные иноки вели не только педагогическую, но и научную деятельность: они создали абхазскую письменность, заложили основы абхазской православной культуры, воспитали кадры национальной интеллигенции и православного духовенства. Насельники обители передали местному населению передовые сельскохозяйственные и строительные технологии, традиции неутомимого трудолюбия и молитвенного подвига.

В промежутках между службами церковными иноки усердно трудились на монастырских послушаниях. В обители была своя больница с домовым храмом и аптекой. Имелась прачечная с холодным и горячим водоснабжением. В монастыре существовали различные мастерские: иконописная, переплётная, портняжная, сапожная, часовая, медницкая, токарная, столярная, слесарная, литейная, кузничная, кровельная, позолотная, кожевенная.

Везде кипела работа, везде были видны склонённые в скуфейках головы, везде царствовал упорный и размеренный труд, везде тщательно поддерживали порядок и чистоту. Во всех мастерских – иконы с горящими лампадами, аналои с церковными книгами: труд и молитва здесь были связаны неразрывно.

Монахи выращивали яблоки, груши, айву, персики, абрикосы, мандарины, лимоны, апельсины, маслины, сливы, фундук, лавровый лист, виноград, а также кукурузу, картофель. В монастыре были созданы уникальный ботанический сад с редкими субтропическими растениями, питомники плодовых и декоративных насаждений, разбиты цветники. На двух пасеках располагались 450 ульев, обеспечивавших воском монастырский свечной завод. В обители была своя электростанция, которой управлял специалист-монах. Монастырь имел собственный конный завод. На всех послушаниях соблюдалась строжайшая иноческая дисциплина. Во главе каждого дела был поставлен старец, которому беспрекословно подчинялись все работающие под его руководством и который сам ежедневно являлся к игумену с докладом о выполненных послушаниях и для получения благословения на следующий день.

Молитва и труд были основным правилом монастырской жизни. Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов говорил: «Знаменитый Ново-Афонский монастырь – это краса и оправдание русского церковного дела на Черноморском побережье».

Однако процветание монастыря длилось недолго. В 1917 году

началось его разорение. К 1924 году в монастыре остались в основном больные, немощные, престарелые иноки в количестве 250 человек. Многие из братии покинули родную обитель и удалились в горы Абхазии.

В 1924 году в трапезной Ново-Афонского монастыря председатель Совнаркома Абхазии Нестор Лакоба объявил оставшейся братии о закрытии обители. Он говорил об этом с явным сожалением. «Дорогие отцы, – сообщил он, – мне категорически предложили в Москве закрыть ваш монастырь. Я долго протестовал, отстаивая его. Вы знаете, что он дорог мне так же, как и вам, потому что я воспитанник монастырской школы, учреждённой когда-то в былые годы дорогим покойным отцом настоятелем Иероном для абхазских мальчиков, где когда-то воспитывался и я на всем полном монастырском содержании. Абхазы с благоговением вспоминают о вашей миссионерской деятельности среди нашего народа, о том, что некоторые из ваших учёных монахов, в совершенстве изучив наш язык, изобрели нам абхазскую письменность, благодаря которой проглянул луч просвещения в среду наших людей. Но простите меня, отцы, потому что я не властен отменить или хотя бы даже отсрочить на некоторое время это решение, ибо это решение самого Сталина...»

Не исключено, что эту речь Нестору Лакобе, впоследствии ставшему председателем Абхазского ЦИК, тоже припомнили властители Грузии, в состав которой Абхазия была принудительно включена в начале 1930-х годов. Нестор Лакоба неожиданно скончался в 1936 году. Есть все основания полагать, что он был злодейски умерщвлён по приказу свыше. Не случайно вскоре после смерти Лакобы его объявили «врагом народа»...

На прощальное Всенощное бдение в Ново-Афонском монастыре народ собирал звон набатного колокола. Ворота во внутренний двор были заперты, их охраняла милиция. В ответ на просьбу пропустить верующих на прощальную службу прихожане услышали издевательства и насмешки. Тогда мужчины-абхазы, расшвыряв милицию, навалились на ворота, и людская волна хлынула в монастырский двор.

После окончания службы настоятель архимандрит Иларион обратился с амвона к братии с напутственными словами. Через некоторое время иеромонахи начали раздавать церковную утварь, иконы и книги прихожанам. Однако при выходе из собора милиционеры всё это отнимали у верующих. В тот же день архимандрит Иларион и архидиакон Питирим были арестованы. Отец Питирим был препровождён в Москву и принял мученическую кончину.

Во времена гонений на веру и Церковь многие монахи оказались в труднодоступной Псхуской долине. Только с 1928 по 1930 год сюда

пришло 188 иноков. В 1926 году в селении Псху в восьми храмах служили 12 иеромонахов. В 1930 году все монашествующие в этой местности были арестованы, и большинство из них погибли от рук чекистов. По рассказам, часть арестованных погрузили на баржу, вывезли в море и потопили. Пострадали и многие местные христиане.

В 1930-е годы братские корпуса Ново-Афонского монастыря были переоборудованы под гостиницы для отдыхающих. В зданиях нагорной части монастыря открыли санаторий, соборный храм обители стал клубом, на месте погребения настоятеля обители игумена Иерона и братии устроили танцплощадку. Иконы уничтожали или увозили из монастыря...

Годы и десятилетия запустения, слава Богу, остались позади. В 1990 году в Новом Афоне было организовано православное братство святого апостола Симона Кананита. Главным направлением в его деятельности стало возрождение монастыря. Монашеская жизнь в обители начала возрождаться, когда на Новый Афон прибыла братия московского Афонского подворья во главе с игуменом Петром (Пиголём), который был назначен полномочным представителем Пантелеймонова монастыря по возрождению Ново-Афонской обители. В 1994 году, на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в храме святого апостола Симона Кананита была совершена первая Божественная литургия. Внешние условия существования возрождённой обители складывались тогда и складываются сегодня непросто. Но иноки монастыря, несмотря на это, день за днём неустанно возносят молитвы Богу, идут путём духовного возрастания...⁸⁰

Примечания

¹ - Имеется в виду Свято-Николаевский Пустынно-Рыхповский монастырь – до революции 1917 г. один из самых больших в Черниговской губернии. По преданию, монастырь основан на месте, где некогда благочестивый пчеловод обрёл на кленовом дереве чудотворную икону Святителя Николая Мирликийского. – Прим. ред.

² - Так в тексте. Здесь и далее сохранены особенности авторского изложения. – Прим. ред.

³ - Имеется в виду Пустынь во имя Преподобного Тихона Калужского. Основана преподобным Тихоном в XV в. В обители было три каменных храма: соборный Преображенский, Успенский и больничный. В соборе под спудом и почивали мощи преподобного Тихона Калужского. В трёх верстах от обители находилась часовня, выстроенная в виде столпа, в котором находились остатки сломленного грозой дуба, в дупле которого уединялся преподобный Тихон. На истоке реки Вепрейки была выстроена деревянная церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Храм был устроен над колодцем Святого Тихона. – Прим. ред.

⁴ - Экклесиарх – монах, который ухаживает за храмом, зажигает лампы и смотрит за порядком во время богослужения. – Прим. ред.

⁵ - Афон (греч. Ἄθως; в Греции – греч. Ἁγίον Όρος – «Святая Гора») – крупнейший в мире центр православного монашества. Расположен на полуострове в Халкидики, области на северо-востоке Греции. Афон является самоуправляемой частью Греческого государства. Высший орган – Священный Кинот, состоящий из представителей 20 афонских монастырей. В церковном отношении находится под юрисдикцией Константинопольского Патриархата. – Прим. ред.

⁶ - Ново-Афонский монастырь Святого апостола Симона Кананита основан в 1875 г. русскими монахами – выходцами со Старого Афона. Находится в Абхазии, на берегу Чёрного моря, в 25 верстах от города Сухума, на левом берегу реки Псыртехи (древняя Аксара), на месте бывшей Генуэзской колонии XIII в. Анакопия (Никопсия). – Прим. ред.

⁷ - Иоанн Лёствичник (греч. Ἰωάννης τῆς Κλίμακος; 525–602 или 649) – христианский богослов, византийский философ, игумен Синайского монастыря. Автор труда «Лествица, возводящая к небесам» – руководства к монашеской жизни, кроме этого произведения оставил сочинение «К пастырю». Почитается святым в лике преподобного, память в 4-ю Неделю

(воскресение) Великого поста и 30 марта/12 апреля. – Прим. ред.

⁸ - Видимо, имеется в виду Симон волхв – самаритянин, современник Апостолов, основатель гностической секты симониан или слениан. Когда в Иерусалим прибыли апостолы Пётр и Иоанн, чтобы посредством возложения рук низвести дары Святого Духа на крещёных, Симон предложил им деньги за сообщение «секрета» и был строго обличён апостолом Петром (см.: Деян., гл. 8). – Прим. ред.

⁹ - Ср.: 1Пет. 5:8. – Прим. ред.

¹⁰ - Алсары (абх. Ажара) – село в Гулрыпшском районе Абхазии. Расположено в горной полосе, в верховьях реки Кодор, в верхней зоне Кодорского ущелья. – Прим. ред.

¹¹ - Притч. 11:14. – Прим. ред.

¹² - Фамиамник – многолетний ароматный полукустарник высотой 10–15 см. Другие названия: богородицына трава, богородишный тимьян, богородская трава, боровой перец, верест, волчьи ягоды, жадобник, колотовичики, лебюшка, лимонный душок, материнка, мухопад, мухопал, тимьян обыкновенный, тимьян ползучий, толокница, толоконник, чабер, чабор, чабрец, чебарка, чебрец, чебрик, чебчик, чепчик, чобрик, щебрец. – Прим. ред.

¹³ - Дранда (в древних источниках – Цкубин) – ныне железнодорожная станция между Сухумом и Очамчырой в Абхазии. В 1883 г. при древнем соборе в Дранде был основан мужской Успенский монастырь. Драндский собор упоминается византийским историком Прокопием Кесарийским и был построен в VI в. Императором Юстинианом Великим. Здесь же располагалась кафедра Архиепископа Абхазской Епархии. К кон. XIX в. Драндский монастырь становится вторым по величине монастырём Абхазии. – Прим. ред.

¹⁴ - Исаак Сирий, епископ Ниневийский (VII в.) – христианский писатель-аскет, жил в Сирии. Оставил много сочинений, как-то: о судах, благочинии, о божественных тайниках и о духовном управлении, известных под названием монашеского правила. Содержание всех его поучений – анализ разнообразных состояний праведности и греховности и способов христианского исправления и самоусовершенствования. Святой, память которого отмечается 28 января/10 февраля. – Прим. ред.

¹⁵ - Епископ Игнатий (Дмитрий Александрович Брянчанинов; 1807–1867) – епископ Православной Российской Церкви. Богослов, учёный и проповедник. 27 октября 1857 г. в петербургском Казанском соборе был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского. Создал многие

известные сочинения: «Приношение современному монашеству», «Отечник» и др. Прославлен в лике святителей в 1988 г.; память совершается 30 апреля. – Прим. ред.

¹⁶ - Цебельда находится северо-восточнее Сухуми, в горной части Абхазии, представляет всхолмлённую котловину, более 20 км в длину и 10–12 км в ширину. В I–VI вв. н. э. она являлась одним из крупных культурных очагов: об этом говорит значительное количество памятников: могильники, храмы, крепостные сооружения, в том числе знаменитая Цебельднская крепость, упоминаемая византийским историком VI в. н.э. Прокопием, как крепость апсиллов – одного из древних абхазских племён. – Прим. ред.

¹⁷ - Латы – старинное абхазское селение, центр известного в истории урочища Дал. – Прим. ред.

¹⁸ - Пс. 103:18. – Прим. ред.

¹⁹ - Ин. 15:5. – Прим. ред.

²⁰ - Пс. 126:1. – Прим. ред.

²¹ - См.: Мф. 13:24–30. – Прим. ред.

²² - Ср.: Лк. 9:62. – Прим. ред.

²³ - Ин. 1:4–5; 9–12. – Прим. ред.

²⁴ - См.: Пс. 38:6–8. – Прим. ред.

²⁵ - М ф .6 :19–20. – Прим. ред.

²⁶ - Мф. 18:18. – Прим. ред.

²⁷ - Лк. 10:16. – Прим. ред.

²⁸ - Ср.: 1 Кор.1 1:24. – Прим. ред.

²⁹ - Ср.: Мф. 26:27–28. – Прим. ред.

³⁰ - Ин. 6:56; 10:9. – Прим. ред.

³¹ - Ин. 3:47. – Прим. ред.

³² - Пс. 33:15. – Прим. ред.

³³ - Здесь и далее – пропуски текста. – Прим. ред.

³⁴ - Еккл. 4:10. – Прим. ред.

³⁵ - Мф. 18:20. – Прим. ред.

³⁶ - Пс. 132:1. – Прим. ред.

³⁷ - См.: Пс. 54:23. – Прим. ред.

³⁸ - Река Клыч – правый приток реки Кодор. Река дала имя целому типу неуставных казачьих и легковалерийских сабель, применявшихся в Русской армии в XVIII–XIX вв. – Прим. ред.

³⁹ - Клухорский перевал – перевал через Главный хребет Большого Кавказа, между верховьями рек Теберды и Кодори. Высота 2781 м. Через перевал проходит Военно-Сухумская дорога. – Прим. ред.

⁴⁰ - Преподобный Антоний Великий (ок. 250–356) – раннехристианский подвижник и пустынный, основатель отшельнического монашества. День памяти – 17/30 января. – Прим. ред.

⁴¹ - Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на Небо, или Скрижали Духовные. Гл. 28. – Прим. ред.

⁴² - Мф. 17:8. – Прим. ред.

⁴³ - Иоанн Кассиан (Римлянин) (ок. 360–435) – один из основателей монашества в Галлии, теоретик монашеской жизни. В 405 отправлен Константинопольской Церковью в Рим для защиты святителя Иоанна Златоуста. Затем поселился в Марселе и был рукоположен во пресвитера. Основал в Марселе два монастыря – мужской и женский, по типу египетских монастырей. Написал 12 книг. Прославлен как святой в лике преподобных, память совершается 28 февраля/12 марта, в високосные годы – 29 февраля/ 13 марта. – Прим. ред.

⁴⁴ - Лк. 9:62. – Прим. ред.

⁴⁵ - Мф. 11:28. – Прим. ред.

⁴⁶ - Мф. 11:30. – Прим. ред.

⁴⁷ - Здесь – небольшой аналой. – Прим. ред.

⁴⁸ - Аналой или аналогий (др.-греч. ἀναλόγιον, ἀναλόγιον – подставка для книг) – употребляемый при богослужении высокий четырёхугольный столик с покатым верхом; иногда аналои бывают складными. – Прим. ред.

⁴⁹ - См.: 1Кор. 15:50. – Прим. ред.

⁵⁰ - Т.е. молиться по чёткам, совершая заданное количество молитвословий. – Прим. ред.

⁵¹ - Великоросс – одна из трёх этнографических групп единого русского народа: собственно великороссов, белорусов и украинцев (малороссов). – Прим. ред.

⁵² - Мк. 8:36. – Прим. ред.

⁵³ - Карупя, Карулия (греч. та КароиХш) – пещеры и келлии, находящиеся на обрывистых скалах в самой южной части Афона; отдалённые пещеры, куда можно добраться только по цепям, называются Внутренними, или Страшными, Карулиями (в отличие от Внешних). Название скита происходит от «катушки» (по-греч. карули), которую используют монахи для поднятия в скит корзинки с едой и водой. В XIX в.

здесь образовалось поселение, значительное число монахов составляли русские. Небольшой храм был освящен во имя св. вмч. Георгия. В 1866 г. Великая Лавра предоставила Карулиям статус скита, первым дикеем был избран русский монах Иннокентий († 1901), впоследствии подвизавшийся в Андреевском скиту. В нач. XX в. здесь проживали 30 монахов в 11 келлиях Из русских старцев известны схим. Феодосий († 1937), иером. Никон († 1961), схим. Никодим, телохранитель имп. Николая II, пришедший на Афон из России пешком и подвизавшийся здесь до своей кончины († 13 февр. 1984). – Прим. ред.

⁵⁴ - Монастырь святого Пантелеймона на Афоне (греч. Μονή Αγίου Παντελεήμονος); также известен как Россикон (греч. Ρωσικού) или Новый Руссик – один из 20-и «правлящих» монастырей на Святой Горе Афон в Греции. Традиционно считается «русским», став вполне русским лишь в последней четверти XIX века, когда перешёл под фактический контроль Российской Церкви и российского правительства (вплоть до начала Первой мировой войны). – Прим. ред.

⁵⁵ - Мзымта (в переводе с убыхского «Бешеная») – река в Краснодарском крае, самая длинная из впадающих в Чёрное море. На реке расположены: посёлок Красная Поляна, сёла Эсто-Садок, Казачий Брод и др. Близ Красной Поляны на реке построена Краснополянская ГЭС. Имеется крупное хозяйство по разведению речной форели. – Прим. ред.

⁵⁶ - Слячён (старорусск.) – скорченный, сгорбившийся. – Прим. ред.

⁵⁷ - Павел Фивейский, Павел Египетский, Павел Отшельник († ок. 341 г.) – первый христианский монах и отшельник, проживший по преданию 91 год в отшельничестве. В Православной Церкви почитается преподобным, память совершается 15/28 февраля. – Прим. ред.

⁵⁸ - Ныне на месте Свято-Троицкого мужского монастыря находится Троице-Георгиевский женский монастырь (Адлерский р-н, г. Сочи, пос. Лесное). Монастырская жизнь возобновлена в 1999 г. Главный собор монастыря – во имя святого вмч. Уара (освящён в 2001 г.). – Прим. ред.

⁵⁹ - Лк. 7:10. – Прим. ред.

⁶⁰ - См.: Мф. 20:16; Мк. 10:31; Лк. 13:30. – Прим. ред.

⁶¹ - Баталпашинск (ныне – Черкесск, столица Карачаево-Черкесской Республики) – город в Предкавказье, на правом берегу реки Кубань. Основан в 1804 году казаками 3-го Хопёрского полка, как русское военное укрепление на Кубанской пограничной линии, где в 1790 г. русские войска разбили 40-тысячную турецкую армию Батал-Паши (редчайший случай, когда населённый пункт был назван в честь побеждённого). В 1934 г.

переименован в Сулимов, а в 1937 г. в Ежово-Черкесск; в 1939 г. за городом оставлено лишь часть названия: Черкесск. – Прим. ред.

⁶² - В 1885 году происходит реорганизация Абхазской епархии и с этого времени она именуется «Сухумской»; её территория простиралась от реки Ингур до Анапы. Епископы Сухумской епархии: Геннадий (1886–1889); Александр (1889–1891); Агафодор (1891–1893); Пётр (1893–1895); Арсений (1895–1905); Серафим /Чичагов, прославлен в лике новомучеников/ (1905–1906); Кирион (1906–1907); Димитрий (1907–1911); Андрей (1911–1913); Сергей (1913–1918). К 1917 году Сухумская епархия имела 125 приходских храмов, два крупных мужских монастыря: Ново-Афонский Симона-Кананитский (основан в 1875 г.) и Успенский Драндский (Драндский монастырь был основан так же афонскими монахами в 1880 г., настоятелями этого монастыря были епископы Сухумские. Монастырь имел два скита в окрестностях Дранды в 1804 году казаками 3-го Хопёрского полка, как русское военное укрепление на Кубанской пограничной линии, где в 1790 г. русские войска разбили 40-тысячную турецкую армию Батал-Паши (редчайший случай, когда населённый пункт был назван в честь побеждённого). В 1934 г. переименован в Сулимов, а в 1937 г. в Ежово-Черкесск; в 1939 г. за городом оставлено лишь часть названия: Черкесск. – Прим. ред.

⁶³ - Гал. 5:22, – Прим. ред.

⁶⁴ - Гал. 5:22, – Прим. ред.

⁶⁵ - Здесь – на авось, на единственно возможный шаг в почти безвыходной ситуации. – Прим. ред.

⁶⁶ - На полях рукописи стоит примечание переписчика: «В подлиннике – великая трагедия войны». – Прим. ред.

⁶⁷ - На полях рукописи стоит примечание переписчика: «В подлиннике – великая трагедия войны». – Прим. ред.

⁶⁸ - Из материалов Государственного архива Ставропольского Края (Ф. 135 Оп.72 Д. 1089) следует, что это был казак Донской области Николай Кириллович Губин. – Прим. ред.

⁶⁹ - Иов. 1:1. – Прим. ред.

⁷⁰ - Иов. 1:21. – Прим. ред.

⁷¹ - Иов. 2:9–10. – Прим. ред.

⁷² - Пс. 54:23. – Прим. ред.

⁷³ - Из свидетельства Христины Самойловны Ткачёвой, послушницы старца Илариона: «...Чувствуя приближение смерти, старец просил всех

нас похоронить тело его в лесу недалеко от моего дома без всяких почестей и по смерти не воздавать ему никакой славы. Умер он 1-го марта 1916 года, а погребение было совершено над его могилой на Пасху прибывшим сюда иеромонахом Драндовскаго подворья в Новороссийске иеромонахом Паисием. Могила же старца Илариона украшена только скромным деревянным не крашеным крестом» (ГАСК. Ф.135. Оп.72. Д. 1089. Л.76–81). – Прим. ред.

⁷⁴ - Свято-Вознесенский Ново-Нямёцкий (Кицканский) монастырь – православный мужской монастырь в приднестровском селе Кицканы на правом берегу Днестра в 6 км южнее Тирасполя. Монастырь относится к Молдавской митрополии Русской Православной Церкви. Образован в 1864 г. монахами лавры в г. Нямц (Румыния), покинувшими её в результате притеснений мирских властей, отсюда и название Ново-Нямецкий. – Прим. ред.

⁷⁵ - Различают три степени монашества – рясофор, мантию (малую схиму) и схиму (великую схиму). При постриге в рясофор новопостриженный облачается в рясу и клобук (отсюда – «рясофор») и именуется «рясофорным монахом», «иноком». При постриге в малую схиму, или в мантию, постригаемый дает Богу обеты, ему нарекается новое имя, он облачается в мантию и именуется мантийным монахом, или просто «монахом». При последовании пострига в великую схиму постригаемому даётся новое имя, он облачается в схимническую одежду – т. наз. схиму (куколь) и именуется «схиммонахом», «схимником». – Прим. ред.

⁷⁶ - Здесь ошибка. В реставрации древнего храма в память св. ап. Симона Кананита привлекался не упоминаемый здесь кн. Александр Иванович Гагарин (1801–1857, ген.-лейт., градонач. Дербента, Кутаисский ген.-губерн.), а кн. Григорий Григорьевич Гагарин (29.04/11.05.1810 – 30.01.1893)– русский исследователь искусства, архитектор, обер-гофмейстер Двора Его Императорского Величества, вице-президент Императорской Академии художеств. В 1848 г. Г. Г. Гагарин прикомандирован к кн. М. С. Воронцову, командующему и наместнику Отд. Кавказск. окр., «в учёном и художественном назначении быть употребленным», он много работал для нужд кавказских городов и сверх нескольких орденов получил чин ген.-майора: в Тифлисе по его проекту построен театр, восстановлены фрески в Сионском соборе и в старых грузинских монастырях, включая Грузинскую Бетанию, основал Тифлисский Музей древностей, прилагая старания, чтобы обратить

русскую церковную живопись к византийским идеалам и образцам. – Прим, ред.

⁷⁷ - Здесь ошибка. Иван Иванович Стахеев, выдающийся в торговом мире человек, скоропостижно скончался в 1835 г. и во всех делах фирмы участвовал его брат Дмитрий Иванович (1818–1888), не менее талантливый купец. Оба брата широко прославились удивительными масштабами благотворительности. Стахеевы владели золотыми приисками в Зап. Сибири, нефтяными промыслами, пароходствами, заводами, фабриками, мельницами, сотнями магазинов, занимались издательским делом. В их ведении был весь хлебный рынок Прикамья и они вели широкую хлебную торговлю с Англией, Францией, Германией, Голландией и др. странами. Только проценты с капитала, пожертвованного на благотворительные цели в 1892г., дали сумму в 986400руб. И такие невероятные суммы расходовались на благо Родины и народа. Сами елабужские меценаты категорически запрещали рекламировать свои многочисленные благодеяния, считая, что доброделание должно быть тихим.

⁷⁸ - Никонов Николай Никитин (1849–1918), архитектор, мастер «русск. стиля», автор мн. культовых и жил. зданий. Среди наиб, значительных построек в СПб.: доходный дом Н.П.Басина на пл. Островского (1879), ц. Покрова и «Братский дом» на Боровой ул. (1901), Иоанновский жен. мон. на наб. р.Карповка (1911), ц. Казанской иконы Божией Матери в Териоках (1915). Строил церкви, часовни, монастыри в Москве, Ревеле, Полтаве, Новом Афоне, на о. Валаам – более 50 только культовых зданий за три десятилетия самостоятельной творческой работы – это довольно много. Комплекс Симоно-Кананитского монастыря с громадным Пантелеймоновским собором и по сей день сохраняет значение одной из самых заметных архитектурных достопримечательностей Абхазии. Проектируя Ново-Афонский монастырь, Никонов предпочёл использовать в его композиции формы «византийского стиля».

⁷⁹ - Епископ Арсений (в миру Алексей Феодорович Изотов; 10/22.01.1823– 16/29.04.1909) в 1845г. окончил Тверск. Духовн. семинарию, 6.12.1858г. рукоположён в священника, 19.12.1880г. пострижен в монашество и в назначен настоятелем в сане игумена в Николаевскую Терebenскую пустынь. 4.12.1885г. назначен настоятелем Русск. посольск. ц. в Константинополе. С 9.10.1893 г. – настоятель Моек. Симонова мон. В 1894г. управлял делами Иерусалимск. Духовн. Миссии.

8.02.1895 г. хиротонисан во епископа Сухумского. Скончался
в Желтиковом монастыре ок. Твери.

⁸⁰ - Оpubл.: Русский инок. – 2009, май-июнь.

Содержание

Близ заката. Современные пустынножители в горах Кавказа инок Дамиан	1
Глава 1. Монастырь	3
Глава 2. На пути в пустыню	10
Глава 3. Отец Онисим	18
Глава 4. Встреча с отцом Иларионом	29
Глава 5. Жизнь старца Илариона	41
Приложение. Новый Афон	69
Примечания	77